

Элизабет Вернер

Фея Альп

Элизабет Вернер

Фея Альп

«Public Domain»

1889

Вернер Э.

Фея Альп / Э. Вернер — «Public Domain», 1889

«Высоко над снежными венцами гор стояла яркая радуга. Гроза пронеслась. Вдали еще глухо раздавались раскаты грома, подхватываемые эхом в ущельях, и густые массы облаков окутывали склоны, но небо уже прояснилось, вершины гор выглянули из моря тумана, а за ними стали медленно выплывать зеленые луга и темные леса...»

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	26
5	34
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эльза Вернер

Фея Альп

1

Высоко над снежными венцами гор стояла яркая радуга. Гроза пронеслась. Вдали еще глухо раздавались раскаты грома, подхватываемые эхом в ущельях, и густые массы облаков окутывали склоны, но небо уже прояснилось, вершины гор выглянули из моря тумана, а за ними стали медленно выплывать зеленые луга и темные леса.

Глубоко в горах лежала величественная долина, прорезанная пенистым потоком, уединенная, точно совсем оторванная от мира с его суетой, и, тем не менее, этот мир нашел в нее путь. На тихой горной дороге, где прежде лишь изредка показывался какой-нибудь экипаж или одинокий пешеход, теперь бурлила лихорадочная деятельность. Всюду суетились люди, инженеры исследовали местность, что-то чертили, измеряли: скоро в этот тихий уголок должна была протянуть свою стальную руку железная дорога, и подготовительные работы шли полным ходом.

На склоне горы, у края ущелья, стояла усадьба, на первый взгляд немногим отличающаяся от других усадеб, встречающихся в горах; но, подойдя ближе, нетрудно было увидеть, что эта постройка – не крестьянское жилище. Каменные стены были монолитными, окна и двери – довольно широки; два полукруглых выступа по углам своими медными, горящими на солнце крышами напоминали башенки и придавали зданию внушительный вид, а над входом красовался высеченный в камне герб.

Это была одна из тех старинных барских усадеб, которые до сих пор встречаются кое-где в горах, серая, потемневшая от непогод, но упорно противящаяся разрушению. Задний ее план образовывал чрезвычайно живописный лес, а над ним гордо вздымалась мощная скала с отвесными стенами и вершиной в снежной короне.

Внутренность дома соответствовала его наружному виду. Большая низкая комната со сводчатым потолком занимала почти весь передний фасад. Потемневшая деревянная облицовка стен, исполинская изразцовая печь, стулья с высокими спинками, резной дубовый буфет – все грубое, простое и древнее. Из окон открывался великолепный вид на горы, но двое людей, сидевших за столом и занятых разговором, не обращали внимания на ландшафт.

Один был человек лет пятидесяти, исполинского роста, с широкой грудью и мощными руками. В его густых белокурых волосах и бороде не виднелось еще ни одной серебряной нити, а загорелое лицо дышало энергией и здоровьем. Его собеседник был приблизительно одного с ним возраста, но слабое сложение, резкие черты умного лица и совершенно седые волосы очень старили его. Лицо с высоким лбом, изрезанным глубокими морщинами, говорило о неустанной деятельности и борьбе, но ясно видный в нем оттенок высокомерия производил неприятное впечатление, а манеры и речь обличали человека, привыкшего повелевать.

– Будь же, наконец, благоразумен, Тургау, – говорил он тоном, в котором слышалось нетерпение. – Сопrotивление ни к чему не поведет, тебе все равно придется уступить.

– Придется? – вспыхнул Тургау. – Это мы еще посмотрим! Пока я жив, в моей усадьбе ни один камень не будет сдвинут с места!

– Но ведь она стоит у нас на дороге: как раз здесь должно пройти железнодорожное полотно.

– Так перенесите свое проклятое полотно! Куда угодно, хоть на самую вершину Волькенштейна, а дом мой оставьте в покое. И не трудись, Нордгейм. Я не соглашусь.

Нордгейм усмехнулся сострадательно и иронически.

– Ты в своей глуши, кажется, совсем разучился понимать мир и его требования. Неужели ты воображаешь, что дело, подобное нашему, можно остановить, потому что какому-то барону Тургау не угодно уступить нам несколько квадратных метров своей земли? Если ты будешь упорствовать, нам останется только применить принудительное право: ведь ты знаешь, что предоставлена полная власть в этом отношении.

– Ого! И у меня ведь есть еще кое-какие права! Я протестовал, и буду протестовать до последнего вздоха. Моя усадьба Волькенштейн будет стоять на месте, хоть бы все железнодорожное общество, со своим почтенным председателем Нордгеймом во главе, перевернулось вверх ногами.

– А если тебе предложат двойную цену?

– Хоть десятерную! Я не торгую наследием своих предков. Мой дом останется на месте – и баста!

– Это все то же упрямство, которое уже недешево обошлось тебе в жизни! Я мог бы предвидеть это, но не скажу, чтобы мне было приятно, что мой собственный шурин принуждает общество, во главе которого я стою, к насильственному образу действий.

– А потому ты потрудился явиться собственной персоной? – насмешливо заметил Тургау. – Это первый раз за многие годы.

– Я хотел попытаться образумить тебя, если мои письма не оказали действия. Впрочем, ведь ты знаешь, как мне дорого время.

– Как не знать! Я с благодарностью отказался бы от этой неустанной погони за добычей, которую ты называешь жизнью. Какой толк тебе от твоих миллионов, оттого, что тебе так баснословно везет? Ты то здесь, то там, вечно второпях, обременен делами, и так с утра до позднего вечера; а ночью, когда каждый разумный человек ложится отдыхать, ты еще целыми часами сидишь за письменным столом. Отсюда и твои седые волосы, и морщины на лбу. Посмотри на меня! – Тургау выпятил грудь и расправил могучие плечи. – А ведь я на целый год старше тебя.

Нордгейм взглянул на шурина, на лбу которого действительно не было ни морщинки, и его губы насмешливо дрогнули:

– Все это совершенно верно, но не каждый в состоянии жить в глуши среди сурков и только и делать, что стрелять коз. Сколько уж лет, как ты вышел в отставку, хотя твое древнее имя могло помочь тебе сделать карьеру.

– Да ведь я не гожусь для барщины. «Ни один Тургау для службы не годился, потому что вы и опустили так», хочешь ты сказать? Я это вижу по твоей насмешливой улыбке. Мало осталось от нашего прежнего богатства, но, по крайней мере, у меня есть крыша над головой, а земля, на которой я стою, – моя. Тут мне никто не смеет приказывать и противоречить, во всяком случае, не смеет твоя проклятая железная дорога. Ну, Нордгейм, не сердись, не будем ссориться из-за этой истории! Нам незачем упрекать друг друга, потому что если я – упрямец, то ты – деспот; ты заставляешь свое хваленое общество плясать под свою дудку, а если кто вздумает противоречить тебе, того просто хватают за шиворот и вышвыривают вон.

– Ты почему знаешь? Ведь ты никогда не интересовался нашими делами.

– Нет, но я разговаривал недавно с несколькими инженерами, которые производят измерения неподалеку. Они на чем свет стоит, ругают тебя, твою тиранию и введенную тобой систему покровительства любимчикам. Мне пришлось выслушать весьма поучительные рассуждения.

Нордгейм равнодушно пожал плечами.

– Вероятно, по поводу назначения на участок старшего инженера, который пришелся не по вкусу этим господам. Они грозили поднять настоящий бунт из-за того, что им дали в начальники молодого человека. Да, ему всего двадцать семь лет, но это не мешает ему иметь больше ума в голове, чем у всех у них вместе.

– Но они утверждают, что это карьерист, для которого все средства хороши, лишь бы достигнуть высокого положения, – бесцеремонно сказал Тургау, – и что ты, как председатель правления, вовсе не должен вмешиваться, назначать служащих имеет право только главный инженер.

– Официально, конечно, так, и я редко пускаю в ход свое влияние в его области, но когда я это делаю, то требую, чтобы мои желания принимались во внимание. Как бы то ни было, Эльмгорст – старший инженер и останется им. И кому это не угодно, пусть оставляет работу, я очень мало забочусь об их мнении.

Его слова дышали высокомерием человека, который привык требовать безусловной покорности своей воле без всяких рассуждений. Тургау не успел ответить, потому что в эту минуту дверь распахнулась, и в комнату ворвалось какое-то существо в мокрой одежде, с развевающимися волосами. Оно пролетело мимо Нордгейма и бурно бросилось к барону. За ним последовало второе, тоже мокрое, лохматое, и принялось прыгать вокруг хозяина дома с радостным лаем. Это шумное приветствие походило на нападение, но он и не думал защищаться от мокрых ласк, которыми оба его осыпали.

– Вот и я, папа! – звучал звонкий девичий голос. – Мокрая, как ундина! Всю грозу выдержала на Волькенштейне! Посмотри, в каком виде мы с Грейфом!

– Сейчас видно, что прямо с неба свалились! – со смехом сказал Тургау. – Но разве ты не видишь, Эрна, что у нас гость? Узнаешь?

Девушка выпустила отца из объятий. Она не заметила гостя, который при ее внезапном вторжении поднялся и отошел в сторону. Несколько секунд она колебалась, не узнавая его, потом, радостно крикнув: «Дядя Нордгейм!», быстро двинулась к нему. Но он поспешно вытянул руки вперед, защищаясь:

– Пожалуйста! Ведь при каждом движении с тебя буквально льет вода! Бога ради, отгони собаку! Вы, кажется, хотите дать мне вкусить здесь, в комнате, все прелести ливня!

Эрна со смехом схватила собаку за ошейник и оттащила ее назад. Грейф действительно выражал желание познакомиться с гостем поближе, что и показалось Нордгейму не особенно приятным. Впрочем, его хозяйка имела не лучший вид. Неуклюжие горные башмаки на маленьких ножках, очень короткое платье из бумажной материи и черная касторовая шляпа – все было пропитано водой. Однако это несколько ее не беспокоило, она бросила шляпу на первый попавшийся стул и откинула назад мокрые волосы, с которых стекали капли воды.

Эрна очень мало походила на отца, от него она унаследовала только темно-голубые глаза и белокурые волосы. В остальном же не было ни малейшего сходства между исполинской фигурой Тургау, его лицом с добродушными, но довольно невыразительными чертами, и обликом этой шестнадцатилетней девушки, тоненькой и гибкой, бессознательно грациозной в каждом движении. Ее розовое личико блистало свежестью молодости. Черты его, еще по-детски неопределенные, нельзя было назвать красивыми, а маленький рот выражал ребяческое упрямство. Красивы были, в сущности, только глаза, синие, как горные озера. Ее волосы, растрепанные ветром и смоченные дождем, волной падали на плечи. Девушка имела далеко не салонный вид, она казалась олицетворением весенней бури.

– А ты боишься двух-трех капель дождя, дядя Нордгейм? – весело спросила она.

– Что ж ты делал бы, если бы попал под такой ливень, как мы? Впрочем, мне это было нипочем, но мой спутник...

– Ну, мне кажется, шкура Грейфа тоже не боится дождя, – перебил барон.

– Грейфа? Я оставила его в пастушьей хижине: ведь он не умеет лазать по горам, а за хижинкой приходится карабкаться взапуски с козами. Я говорю о незнакомце, которого встретила по дороге. Он забрался слишком высоко и не мог найти дорогу назад в тумане, если бы я не проводила его, он и до сих пор сидел бы на Волькенштейне.

– Ох, уж эти мне горожане! – сказал Тургау с досадой. – Приедут с большими горными посохами, в новеньких с иголки туристских костюмах и делают вид, будто наши Альпы для них – игрушка, а при первом же дожде забиваются в какую-нибудь трещину в скале и приобретают насморк. Что, очень трусил этот франтик, когда началась гроза?

– Нет, он не трусил, – ответила Эрна, – он шел совершенно спокойно рядом со мной под дождем и молниями, и при спуске тоже держал себя храбро, хотя видно было, что он не привык к таким вещам. Но это – отвратительный человек! Он смеялся, когда я ему рассказывала об альпийской фее, которая каждую зиму сбрасывает лавины в долину, а когда я рассердилась, покровительственно заметил: «Да, правда, ведь вы живете здесь в царстве суеверия, я совсем забыл об этом!». Как я хотела, чтобы фея Альп сию же минуту сбросила ему на голову лавину! Я так ему и заявила.

– Ты сказала это незнакомому господину, которого в первый раз видишь? – удивленно спросил Нордгейм.

– Конечно, сказала! Мы терпеть его не можем, не правда ли, Грейф? Ты заворчал на него, когда мы с ним подходили к хижине, и хорошо сделал, мой песик, очень хорошо. Однако, я пойду, надену сухое платье, а то дядя Нордгейм, чего доброго, получит насморк от одной моей близости.

Девушка выбежала из комнаты так же стремительно, как и появилась. Грейф хотел последовать за ней, но дверь захлопнулась перед самым его носом и он, отряхнувшись так, что брызги полетели во все стороны, улегся у ног хозяина.

Нордгейм демонстративно обмахнул платком свои черный сюртук, хотя по счастливой случайности на него не попало ни капли, и резко произнес:

– Не в гнев тебе будь сказано, Тургау, ты непростительно запустил воспитание дочери.

– Запустил? – переспросил Тургау, очевидно, крайне удивленный тем, что в его дочери находят что-то достойное порицания. – Чего же девочке не хватает?

– По-моему, всего, чего следует ожидать от баронессы фон Тургау. Что это за костюм, в котором она сейчас была здесь? И ты допускаешь, чтобы она часами бродила в горах и заводила знакомство с первым встречным туристом?

– Ба, ведь она – еще ребенок!

– В шестнадцать-то лет? На свое несчастье, она слишком рано лишилась матери: ты положительно дал ей одичать. Конечно, если девочка растет в такой обстановке, без ученья, без воспитания...

– Извини, пожалуйста! Когда я переселился после смерти жены сюда, то привез с собой учителя, старика-магистра, который умер только этой весной; Эрна училась у него всевозможным вещам, а воспитывал ее я. Именно такой я и желал ее сделать, потому что нежных оранжевых растений, как твоя Алиса, нам здесь, в горах, не нужно. Моя девочка здорова и телом, и духом; она выросла свободной, как птица, и должна остаться такой. Если ты называешь это одичанием – сделай одолжение, а мне моя Эрна нравится.

– Тебе – может быть, но не будешь же ты единственным мерилом для Эрны всю ее жизнь. Когда она выйдет замуж... Ведь рано или поздно явится кто-нибудь, кто пожелает на ней жениться.

– Пусть только посмеет! Я этому молодцу и руки, и ноги переломаю! – крикнул барон вне себя от ярости.

– Ты обещаешь быть весьма любезным тестем, – сухо заметил Нордгейм. – По-моему, брак – назначение девушек. Или, может быть, ты полагаешь, что я потребую от своей Алисы, чтобы она оставалась в старых девах, потому что она моя единственная дочь?

– Это совсем другое дело, – медленно сказал Тургау, – совсем другое. Может быть, ты и любишь дочь – почему бы, в самом деле, тебе не любить ее? – но ты отдашь ее с легким сердцем. У меня же во всем Божьем свете нет никого и ничего, кроме моего дитяти, это единственное,

что мне осталось, и я не отдам его ни за что. Пусть-ка пожалуют господа женихи! Я их так спроважу, что они забудут дорогу сюда.

Нордгейм взглянул на барона с холодной, сострадательной улыбкой превосходства, с которой смотрят на глупости ребенка.

– Если ты останешься верен своим воспитательным принципам, то тебе не будет в этом надобности, – сказал он, вставая. – Но я совсем забыл... Завтра я жду Алису в Гейльборн: доктор предписал ей здешние ванны и горный воздух.

– В этом элегантном, скучном модном гнезде невозможно выздороветь, – презрительно объявил Тургау. – Прислал бы ты девочку ко мне: тут она пользовалась бы горным воздухом, так сказать, из первых рук.

– Ты очень любезен, но мы, разумеется, должны следовать предписаниям докторов, – возразил Нордгейм. – Надеюсь, мы еще увидимся?

– Конечно! Ведь до Гейльборна всего два часа ходьбы! – воскликнул барон, от которого совершенно ускользнул холодный тон приглашения. – Я непременно приеду с Эрной.

Он тоже встал, чтобы проводить гостя. Различие мнений несколько мешало в его глазах родственному чувству, и он простился с шурином со свойственной ему грубоватой сердечностью. Эрна, как птица, слетела к ним с лестницы, и они втроем вышли на площадку перед домом.

Подали экипаж Нордгейма. В эту минуту в воротах появился молодой человек и, кланяясь, направился к хозяину дома.

– Здравствуйте, доктор! – весело крикнул ему Тургау, а Эрна с непринужденностью ребенка побежала навстречу гостю и протянула ему руку. – Это наш лейб-медик, – продолжал барон, обращаясь к шурину. – Вот бы тебе поручить ему Алису: он хорошо знает свое дело.

Нордгейм небрежно притронулся к шляпе и едва удостоил взглядом деревенского врача, который поклонился ему довольно неуклюже. Затем он пожал руку шурину, поцеловал Эрну в лоб, и через несколько минут его экипаж уже катился по дороге.

– Пойдемте в комнаты, доктор Рейнсфельд, – сказал барон. – Однако мне только теперь пришло в голову, что ведь вы незнакомы с моим шурином – с господином, который только что уехал.

– С господином Нордгеймом? Нет, я его знаю, отвечал Рейнсфельд, провожая взором экипаж.

– Удивительное дело! – проворчал Тургау. – Все-то его знают, хотя он столько лет не бывал здесь. Точно какой-нибудь имперский посол едет через горы!

Он вошел в дом. Доктор несколько секунд колебался, прежде чем последовать за ним; он оглянулся на Эрну, но та стояла на низенькой ограде, окружавшей двор, и наблюдала за не совсем безопасным спуском экипажа с горы.

Доктор Рейнсфельд, человек лет двадцати семи, не обладал исполинским ростом барона, но тоже был сильного, хотя и грубоватого сложения. Его нельзя было назвать красивым, скорее, наоборот, но у каждого невольно делалось тепло на душе при виде этого лица, выражавшего душевную доброту, и голубых глаз, ясно и детски доверчиво глядевших на мир Божий. Манеры молодого человека указывали на полное незнание светских обычаев, да и костюм его оставлял желать многого. Серая куртка горца и старая серая войлочная шляпа, несомненно, видели немало на своем веку, и выдержали не один ливень, а горные башмаки носили на себе обильные следы грязи. Они свидетельствовали о том, что в распоряжении доктора не было даже скромной верховой лошади, чтобы ездить с визитами, он ходил пешком туда, куда призывал его долг.

– Ну, как самочувствие, господин барон? – спросил доктор, когда они сели друг против друга. – Все в порядке? Приступ не повторялся?

– Все в порядке! Я опять прежний. Вообще не понимаю, отчего вы подымаете такой шум из-за маленького головокружения? С такими здоровяками, как я, вашему брату, докторам, нечего делать.

– Напрасно вы так легко смотрите на дело: именно в ваши годы следует быть осторожным. Конечно, я надеюсь, что ничего не случится, если вы будете следовать моим советам, то есть избегать всякого возбуждения, волнения, соблюдать по возможности простую диету, отчасти изменить обычный образ жизни. Я ведь уже говорил вам об этом подробно.

– Да, вы говорили, но я не следую вашим указаниям, – добродушно объявил барон. – Отстаньте, доктор! Жизнь, которую вы хотите заставить меня вести, – не жизнь. Я должен беречься, я, привыкший взбираться за козами на самые высокие скалы, никогда не обращавший внимания ни на жару, ни на метели и всегда являвшийся первым, когда в горах случалось какое-нибудь несчастье! Я должен отказаться от своей любимой охоты, пить только воду и трусливо избегать всякого волнения, как слабонервная женщина! Какой вздор! И не подумаю слушаться! Я не гожусь для жалкого существования, которое вы мне рекомендуете. Лучше уж сразу конец.

Рейнсфельд задумчиво устремил взор в пространство и произнес вполголоса:

– Собственно говоря, вы правы, барон, но...

Он не стал продолжать, потому что Тургау разразился громким хохотом.

– Вот это называется добросовестный врач! Когда пациент объявляет ему, что намерен послать к черту его распоряжения, он отвечает: «Вы совершенно правы!». И я в самом деле прав, вы сами это видите.

Доктор хотел протестовать против такого толкования своих слов, но Тургау продолжал хохотать, и к тому же явилась Эрна со своим Грейфом.

– Дядя Нордгейм благополучно перебрался через плотину, хотя ее почти затопило, – сообщила она. – Инженеры все сбежались и перетащили экипаж, а потом выстроились шпалерами по обе стороны и низко-низко поклонились, вот так! – и девушка с большим комизмом передразнила почтительный поклон инженеров.

– Нечего сказать, люди! – досадливо пожал плечами Тургау. – То ругали шурина, а чуть он показался – кланяются ему до земли. Как тут человеку не возгордиться!

– Папа, – сказала Эрна, обвивая руками шею отца, – кажется, дядя Нордгейм не любит меня: он был так холоден и сдержан.

– Это уж у него такая манера. Впрочем, он нашел в тебе немало недостатков, сорванец.

– Во фрейлейн Эрне? – спросил Рейнсфельд с таким негодующим выражением, точно это было, по крайней мере, оскорблением величества.

– Как же! Она, видите ли, должна изображать собой баронессу фон Тургау. Он предлагал мне раньше отпустить ее к нему и предоставить боннам и гувернанткам вместе с Алисой выдрессировать ее для гостинной. Что ты скажешь об этом проекте, дитя?

– Я не хочу к дяде, папа! – объявила Эрна. – Я вообще не хочу расставаться с тобой и всю жизнь проживу здесь.

– Я так и знал! – воскликнул барон с торжеством. – А еще утверждают, будто ты выйдешь замуж, уйдешь с чужим человеком и бросишь меня одного на старости лет! Мы же лучше знаем, правда, Эрна? Мы с тобой принадлежим друг другу и никогда не расстанемся.

Он гладил непокорные локоны своей дочери с нежностью, производившей трогательное впечатление в этом бесцеремонном человеке, а Эрна прижималась к нему с любовью. В самом деле, они любили друг друга всей душой.

2

– Ну-с, господин старший инженер, так вы уже приступили к исполнению новых обязанностей? Они трудны и ответственны, особенно для человека ваших лет, но я надеюсь, что вы окажетесь на высоте задачи.

Молодой человек, к которому Нордгейм обратился с этими словами, поклонился без всякого подобострастия и ответил:

– Я прекрасно сознаю, что должен еще заслужить это отличие. Я обязан им исключительно вашему энергичному заступничеству.

– Да, против вас было многое, и, прежде всего молодость, казавшаяся недостатком тем, кто имел решающий голос, тем более, что на место старшего инженера претендовали более опытные люди, которые, разумеется, сочли за обиду полученный отказ. Наконец, имела влияние и оппозиция против моего вмешательства в вашу пользу. Мне нет надобности говорить, что вам придется считаться со всем этим. Ваше положение будет не легким.

– Я приготовился к этому, – спокойно ответил Эльмгорст, – и враждебность коллег не заставит меня отступить ни на шаг. Я мог до сих пор выказать свою благодарность вам лишь на словах, но твердо надеюсь со временем доказать ее и на деле.

Ответ, видимо, понравился Нордгейму, и он, кивнув своему фавориту приветливее, чем имел обыкновение это делать, пригласил его сесть.

Молодой инженер, одетый во фрак ввиду официальности визита, производил очень приятное впечатление. Высокий, стройный человек с энергичными чертами слегка загорелого лица и темными усами имел весьма мужественный вид; откинутые назад волосы открывали красивый высокий лоб, глаза тоже были бы очень хороши, если бы не смотрели так холодно и трезво. Эти глаза умели зорко наблюдать, блестели гордостью и энергией, но едва ли могли вспыхнуть веселым оживлением или выразить какое-либо теплое душевное движение, в их темной глубине не сверкал огонь молодости. Держался он просто и скромно, был почтителен к человеку, занимавшему такое высокое положение, но не выказывал ни малейшего подобострастия.

– Я не особенно доволен тем, что вижу здесь, – снова заговорил Нордгейм. – Эти господа не торопятся с предварительными работами, и я сомневаюсь, чтобы нам удалось скоро начать постройку. Не видно энергии, движения вперед. Я начинаю бояться, что мы сделали ошибку, поручив дело главному инженеру.

– Он считается признанным авторитетом.

– Да, но состарился и телом, и духом, а такое дело требует напряжения всех сил, одним знаменитым именем ничего не сделаешь. Он будет вынужден полагаться на руководителей работ отдельных участков, а ваш участок один из самых важных по всей линии.

– Даже самый важный: на нем приходится бороться со всевозможными стихийными препятствиями. Боюсь, что даже самая подробная смета не всегда окажется правильной.

– Я тоже так думаю. Здесь нужен человек, который сумел бы справляться с непредвиденными обстоятельствами и в случае нужды мог действовать на собственный страх и риск. Поэтому я и предложил на это место вас и настоял на вашем назначении. Оправдайте же мое доверие!

– Я его оправдаю, – был твердый и решительный ответ. – Вы не ошибетесь во мне.

– Я редко ошибаюсь в людях, – согласился Нордгейм, бросая испытующий взгляд на лицо молодого человека, – а вы уже доказали свои технические способности. Ваш проект моста через Волькенштейнское ущелье гениален. Как бывший инженер, я могу судить об этом и говорю вам, что проект великолепен.

– А между тем его так долго не настаивали принять или хотя бы заметить, – сказал Эльмгорст с горечью. – Если бы у меня не явилась счастливая мысль обратиться к вам, когда мне уже всюду было отказано, он так и остался бы незамеченным.

– Очень может быть. Бедному и неизвестному молодому человеку большей частью трудно выдвинуться: уж так устроена жизнь. И я страдал от этого в былые годы, но, в конце концов, все можно преодолеть, и вы уже преодолели, получив теперешнее назначение. Я поддержу вас, если вы будете исполнять свои обязанности, остальное – ваше дело.

Он встал, давая понять, что аудиенция закончена. Эльмгорст тоже поднялся, но колебался еще мгновение.

– Позвольте мне высказать одну просьбу. Несколько недель назад в городе я имел честь встретиться с вашей дочерью и быть ей представленным, когда она садилась с вами в экипаж. Я слышал, что фрейлейн Алиса теперь в Гейльборне, не позволите ли вы мне лично осведомиться об ее здоровье?

Нордгейм смерил взглядом смелого просителя. Он имел обыкновение оставаться лишь в деловых отношениях со своими служащими и считался вообще крайне высокомерным и разборчивым в выборе знакомств, и вдруг этот молодой человек, еще недавно простой инженер, требовал милости, которая означала ни более ни менее как быть принятым в доме всемогущего президента железнодорожного общества; это показалось ему уж слишком дерзким. Он сдвинул брови и холодно сказал:

– Несколько слишком смелая просьба, господин Эльмгорст!

– Я знаю, но смелым Бог владеет.

Эти слова, быть может, показались бы оскорбительными другому покровителю, здесь же произвели обратное действие. Могущественный человек, миллионер, был чересчур хорошо знаком с лестью и низкопоклонством и в глубине души презирал их. Спокойное чувство собственного достоинства импонировало ему, он почувствовал в этом человеке что-то родственное себе. Смелым Бог владеет! Это был и его лозунг, с помощью которого он пробился в жизни, и Эльмгорст, казалось, тоже не намерен оставаться на нижней ступени лестницы. Морщина между бровей Нордгейма разгладилась, и после секундной паузы он медленно произнес:

– Пусть же поговорка и на сей раз окажется справедливой. Пойдемте! – глаза Эльмгорста блеснули торжеством, но он только поклонился в знак благодарности и пошел вслед за Нордгеймом через длинный ряд комнат в другой конец дома.

Нордгейм занимал одну из самых красивых и элегантных вилл аристократического курорта. Из нее открывался прекрасный вид на горы, а ее внутреннее убранство соответствовало всем требованиям избалованных приезжих.

В салоне была отворена лишь стеклянная дверь на балкон, окна заперты и жалюзи спущены, чтобы закрыть доступ солнца. В прохладной полутемной комнате находились только две дамы.

Старшая, читавшая книгу, была уже далеко не молода. Все в ее туалете, от кружевной наколки на седеющих волосах и до подола темного шелкового платья, указывало на щепетильную заботу о своей внешности, и она сидела так чопорно, с таким холодным аристократическим видом, словно представляла собой воплощение этикета. Младшая, девушка лет семнадцати – нежное, бледное, болезненное существо, полулежала в кресле; голова ее была откинута на шелковую подушку, руки бессильно покоились на белом утреннем платье. Ее миловидное лицо имело усталое, апатичное выражение, так что казалось почти безжизненным, особенно теперь, когда глаза были полузакрыты, и она как будто дремала.

– Вольфганг Эльмгорст! – произнес Нордгейм, войдя в комнату и представляя своего спутника. – Кажется, он не совсем незнаком тебе, Алиса! Баронесса Ласберг!

Алиса медленно подняла большие глаза, имевшие все то же апатичное выражение. Ее взгляд не выражал ни малейшего интереса, и она явно не помнила ни лица, ни имени пред-

ставленного ей теперь человека. Баронесса Ласберг, напротив, явно удивилась. Только Вольфганг Эльмгорст, ничего больше? Те, кто не обладал титулами и чинами, обычно не появлялись в доме Нордгейма. Должно быть, этот молодой человек представлял собой что-то исключительное, если Нордгейм вводил его в свое общество! Тем не менее, она ответила на глубокий поклон инженера холодно и сдержанно.

– Я не могу рассчитывать, чтобы фрейлейн Нордгейм помнила меня, – сказал Вольфганг, подходя ближе. – Наша встреча была слишком мимолетна. Тем более благодарен я господину Нордгейму за то, что он представил меня. Однако я боюсь... надеюсь, фрейлейн, вы здоровы?

– Немного устала с дороги, – ответил Нордгейм за дочь. – Как ты себя чувствуешь сегодня, Алиса?

– Очень плохо, папа, – ответила девушка.

– Жара в этой узкой долине невыносима, – вмешалась баронесса. – Такая удушливая атмосфера плохо действует на нервы Алисы. Боюсь, что она не выдержит здесь.

– Но врачи послали ее специально в Гейльборн, мы должны, по крайней мере, подождать результатов, – сказал Нордгейм тоном, в котором слышалось скорее нетерпение, чем забота.

Алиса ничего не сказала, и вообще короткий ответ, кажется, исчерпал всю ее охоту разговаривать, она предоставила это отцу и баронессе.

Эльмгорст принимал в разговоре сначала лишь скромное участие, но затем незаметно совершенно овладел им, и нельзя было не признать, что он умеет привлечь внимание слушателей. Это не были обычные рассуждения на тему о погоде и окрестностях; он говорил о вещах, довольно далеких от круга дамских интересов: о предстоящей постройке горной железной дороги. Он описывал величаво вздымающуюся гору Волькенштейн, зияющее ущелье, через которое предполагалось перекинуть мост, горные потоки и железную дорогу, которая пройдет через скалы и леса, долины и пропасти. Здесь не было технических подробностей; нет, ряд великолепных красочных картин, дающих живое представление о колоссальном предприятии, развертывался перед глазами слушателей, и инженеру в самом деле удалось заинтересовать их. Баронесса стала на градус теплее, она даже задала несколько вопросов, которые показывали, она заинтересована, а Алиса тоже слушала, и по временам ее взгляд почти с удивлением обращался на говорящего.

Нордгейм тоже был удивлен разговорным талантом своего протеже. Он знал, что молодой человек скромного происхождения и практически не бывал в обществе, а между тем, Эльмгорст держал себя в салоне, при дамах, так непринужденно и уверенно, точно с юности привык к такой обстановке, при этом в его обращении не проскальзывало и следа навязчивости – он умел оставаться в границах, требуемых первым визитом.

Разговор был в полном разгаре, как вдруг появившийся лакей доложил со смущенной миной:

– Господин, называющий себя бароном Тургау, желает...

– Желает видеть своего почтеннейшего шурина, – перебил лакея рассерженный голос, и в ту же минуту сильная рука оттолкнула его в сторону. – Черт побери, что это у тебя за порядки, Нордгейм? Я думаю, легче добраться до китайского императора, чем до тебя! Я должен был пройти через три инстанции, и, в конце концов, эти олухи в галунах все-таки решили не пускать нас! Ты привез с собой целую шайку таких болванов!

Алиса испуганно приподнялась при звуке грозного голоса, а баронесса в немом негодовании встала медленно и торжественно, и взгляд ее, казалось, спрашивал, что надо здесь этому субъекту. Нордгейму такой способ докладывать о себе также не очень нравился, но он быстро овладел собой и пошел навстречу шурина, который появился в салоне в сопровождении дочери.

– Очевидно, ты только под конец назвал себя, – сказал он, – иначе такое недоразумение не возникло бы. Ведь прислуга тебя не знает.

– Не велика была бы беда, если бы к тебе допустили и просто честного человека, – проворчал Тургау, все еще красный от гнева. – Но здесь это, видно, не в обычае. Только тогда, когда я выступил с «бароном», лакеи снизошли до милости доложить обо мне.

Ошибка прислуги была, впрочем, вполне извинительна, потому что барон и сегодня был в костюме горца; да и Эрна нисколько не походила на молодую баронессу в своем очень простом темном платье, пригодном скорей для прогулок в горах, чем для визитов, и такой же простой соломенной шляпе на волосах, которые сегодня были собраны под шелковую сетку, но весьма неохотно подчинялись такому стеснению. По-видимому, она еще сильнее отца чувствовала обиду из-за первоначального отказа впустить их, потому что стояла возле него с мрачным выражением и упрямо сжатыми губами, враждебно глядя на присутствующих. Сзади виднелся неизбежный Грейф, сердито скаливший зубы на лакея, который хотел прогнать его из салона.

Нордгейм собирался по возможности сгладить впечатление, но Тургау не дал ему заговорить.

– А вот и Алиса! – воскликнул он. – Здравствуй, дитя! Наконец-то мы видим тебя! Однако какой же вид у тебя, девочка! Ни кровинки в лице! Настоящий заморыш!

С этими «лестными» словами он направился к молодой девушке с намерением заключить ее в объятия, но баронесса Ласберг, резко бросив «Извините!», так решительно стала между ним и Алисой, точно он покушался на ее жизнь.

– Ну-ну, я не сделаю ничего дурного своей племяннице, – сердито проговорил Тургау. – Вам незачем с таким страхом охранять ее от меня, словно овцу от волка. С кем имею честь?..

– Я – баронесса Ласберг! – объявила она, делая ударение на титуле. Ее осанка выражала ледяной отпор, но здесь это не произвело действия: барон добродушно схватил протестующе вытянутую руку и потряс ее так, что дама чуть не лишилась сознания.

– Очень рад, чрезвычайно рад! – воскликнул он. – Обо мне уже доложили, а это – моя дочь... Эрна, что ты там стоишь, как чужая? Не хочешь, что ли, поздороваться с Алисой?

Эрна медленно подошла; мрачное выражение исчезло с ее лица, когда она взглянула на свою молодую родственницу, которая покоилась на подушке, такая слабая и бледная, она вдруг бурно обняла ее и воскликнула:

– Бедная Алиса! Как мне жаль, что ты больна!

Алиса не ответила на объятие, но когда цветущее личико прижалось к ее бесцветной щеке и свежие губки прикоснулись к ней, а искренний голос долетел до ее ушей, по апатичным чертам девушки промелькнуло что-то вроде улыбки, и она тихо ответила:

– Я не больна, а только устала.

– Пожалуйста, баронесса, не так порывисто, – холодно сказала госпожа Ласберг. – Алису нужно очень беречь: у нее в высшей степени чувствительные нервы.

– Что у нее? Нервы? – спросил Тургау. – Это тоже одна из городских привычек! У нас в усадьбе о такой штуке и понятия не имеют. Приехали бы к нам, даю вам слово, через три недели у вас обеих не останется ни одного нерва.

– Я и сама так думаю, – ответила баронесса, бросая на него негодующий взгляд.

– Пойдем, Тургау, оставим девушек знакомиться: ведь они не виделись несколько лет, – сказал Нордгейм, которого покорила грубость шурина, и жестом пригласил его в соседнюю комнату. В эту минуту Эльмгорст, деликатно удалившийся в оконную нишу во время семейной сцены, вышел оттуда и стал прощаться, причем Нордгейм должен был представить его своему родственнику.

Тургау тотчас вспомнил это имя, которое коллеги молодого инженера поминали с не слишком лестными эпитетами. Он смерил «карьериста» взглядом, и подкупающая наружность последнего, казалось, только усилила его недоверие к нему. Эрна равнодушно обернулась, но вдруг с удивлением отступила назад.

– Я не в первый раз имею честь встречаться с баронессой Тургау, – сказал Эльмгорст, подходя с учтивым поклоном. – Баронесса была так добра, что проводила меня, когда я заблудился на склонах Волькенштейна. Впрочем, ее имя я узнаю только теперь.

– Так вот кто был незнакомец, которого ты встретила! – проворчал Тургау, которому это обстоятельство, по-видимому, не доставило особого удовольствия.

– Надеюсь, баронесса была не одна? – спросила Ласберг тоном, ясно показывавшим, как ужасала ее мысль о возможности такого факта.

– Разумеется, одна! – вспыхнув, упрямо воскликнула Эрна, от которой не ускользнуло резкое осуждение, крившееся в этих словах. – Я всегда хожу в горы одна и беру с собой только Грейфа... Тубо, Грейф, куш!

Эльмгорст сделал попытку погладить красивое животное, но собака встретила его сердитым рычанием, окрик молодой хозяйки заставил Грейфа тотчас замолчать и послушно улечься у ее ног.

– Собака, кажется, злая, – сказал Нордгейм, не скрывая своего недовольствия. – Я бы попросил...

– Грейф добрый! – перебила его Эрна почти сердито. – Он никому не делает зла и охотно позволяет чужим ласкать себя, но этого господина он терпеть не может и...

– Баронесса, прошу вас! – прошептала Ласберг, с трудом сохраняя самообладание, Эльмгорст же проговорил с глубоким поклоном и с насмешливой улыбкой превосходства:

– Мне бесконечно жаль, что я в немилости у Грейфа и, боюсь, также у его хозяйки, но, право, я в этом не виноват. Вы позволите мне теперь проститься?

Он подошел к Алисе, около которой, как страж, стояла баронесса Ласберг, чувствующая себя обязанной оградить свою питомицу от дальнейшего соприкосновения с компанией дикарей, так внезапно вторгшейся в салон. Зато этот молодой человек с простым мещанским именем вел себя, как настоящий кавалер. Как мягко и сочувственно звучал его голос, когда он выражал надежду, что Алиса вполне поправится под влиянием укрепляющего воздуха Гейльборна. Как рыцарски поцеловал он руку, милостиво протянутую ему баронессой Ласберг! Он уже обернулся к хозяину дома, чтобы раскланяться с ним, как вдруг случилось нечто совершенно неожиданное.

На балконе появился котенок, очевидно, проникший сюда из сада. Он с невинным любопытством приблизился к открытой двери, но, к несчастью, попал при этом в поле зрения Грейфа; последний с яростным лаем вскочил, чуть не сбил с ног баронессу Ласберг и ринулся мимо перепуганной Алисы на балкон, где и началась дикая погоня. Испуганный котенок с быстротой молнии бросался из стороны в сторону, ища выхода, а его преследователь за ним; стекла двери дребезжали, цветочные горшки падали и разбивались, а ко всему этому присоединились еще пронзительный свист барона и крики Эрны. Но собака в пылу охоты уже не повиновалась призывам. Наконец, котенку удалось спрыгнуть в сад. Грейф, не желая упускать добычу, могучим прыжком, от которого еще уцелевшие горшки с цветами с грохотом разлетелись вдребезги, перелетел через перила, и в следующую минуту его яростный лай раздавался уже в саду, а к нему присоединился испуганный крик ребенка.

Все это заняло не более двух минут, но когда Тургау выбежал на балкон, чтобы водворить спокойствие, было уже поздно. Тем временем в салоне царило неопишное смятение. Алиса лежала в нервном припадке, с закрытыми глазами, баронесса Ласберг держала ее в объятиях, Эльмгорст схватил флакон, стоявший на соседнем столике, и принялся поливать одеколоном виски и лоб бесчувственной девушки, а Нордгейм бросился к звонку, чтобы позвать прислугу. Но в самый разгар хлопот Эрна вдруг оказалась во весь рост на перилах балкона и в следующий момент спрыгнула в сад – третья по счету.

Это было уж слишком! Баронесса Ласберг выпустила Алису из объятий и сама упала на ближайший стул. Эльмгорст был вынужден прийти на помощь и к ней со своим одеколоном, и стал разливать его направо и налево.

В саду присутствие Эрны действительно было необходимо. Маленький мальчик, крик которого заставил ее решиться на прыжок, обеими руками прижимал к себе котенка, искавшего у него прибежища в беде, а перед ним стол Грейф, рыча и лая, но не трогая малютки; последний в смертельном страхе продолжал пронзительно кричать, пока Эрна не подбежала и не схватила собаку за ошейник.

Тем временем Тургау спокойно стоял на балконе и следил за развитием событий. Он знал, что ребенку не будет причинено никакого вреда, потому что Грейф в самом деле не был злым. Когда же Эрна вместе со злодеем, сделавшимся совсем кротким, пошла назад к дому, а мальчик со своим котенком побежал прочь, барон обернулся и крикнул в комнату своим громовым голосом:

– Ну, не говорил ли я, Нордгейм, что моя Эрна – чудесная девочка?

3

Нордгейм принадлежал к числу людей, которые обязаны своими успехами в жизни единственно самим себе. Сын мелкого чиновника, без гроша за душой, он пробился в люди, став инженером, но жил в самой скромной обстановке, пока вдруг не выступил с изобретением, обратившим на него внимание всех специалистов. В то время предполагалась перестройка первой горной железной дороги, и молодой, никому не известный инженер представил проект нового локомотива для подъема поезда на гору. Его изобретение победоносно выдержало конкуренцию со всеми остальными предложениями, и было принято железнодорожным обществом; потом то же общество купило у изобретателя патент на него, заплатив ему значительную сумму. Эти деньги положили начало будущему богатству Нордгейма, потому что дали ему возможность самому вступить в ряды предпринимателей.

Вопреки ожиданию, Нордгейм оставил поприще, на котором только что достиг такого блестящего успеха, казалось, утратил к нему всякий интерес и обратился к другому. Он образовал большое железнодорожное общество, взяв на себя финансовую сторону дела, и в несколько лет довел его до неслыханного процветания, причем его собственный капитал удесятился.

За первым предприятием скоро последовали другие. При огромных средствах Нордгейма выросли до грандиозных размеров и его планы, и он показал, что именно это – настоящее поле применения его дарований. Нордгейм не был кабинетным тружеником, способным годы корпеть над каким-нибудь проектом; его тянуло в кипучую жизнь, ему требовалось созидать, рисковать, заставлять служить своим целям все окружающее, прилагать к делу свой могучий талант организатора.

Этот неутомимо деятельный человек умел выбирать подходящих для дела людей и ставить каждого на место, соответствующее его способностям. Он преодолевал все препятствия, умел всем пользоваться, но был обязан удачей также и поразительному везению – предприятия, во главе которых стоял Нордгейм, всегда имели успех.

Жена Нордгейма умерла несколько лет назад, но он не особенно глубоко чувствовал свою потерю, так как брак его был не из счастливых. Он женился, еще, будучи скромным инженером, и его жена, тихая, непритязательная женщина, не сумела примениться к новому, всевозрастающему блеску своего дома и роли светской дамы, как того требовал ее муж. К тому же сын, из которого он надеялся воспитать достойного преемника, умер в раннем детстве. Только через несколько лет после этого родилась Алиса, слабая, болезненная девочка, так что постоянно приходилось опасаться за ее жизнь, да и ее апатичный характер претил энергичной натуре Нордгейма. Как его единственная дочь и наследница, она была окружена всем, что может доставить богатство, но другого значения для него не имела, и отец был очень рад, что мог передать воспитание дочери всецело баронессе Ласберг.

Единственная сестра Нордгейма, жившая в его доме, отдала свою руку барону Тургау, тогда капитану. Нордгейму, который уже считался богатым человеком, был не по душе этот последний потомок обедневшего дворянского рода, не имевший ничего, кроме шпаги да маленького имения в горах, но так как они горячо любили друг друга, а лично против жениха ничего нельзя было возразить, он согласился на брак сестры.

Супруги Тургау жили очень скромно, но наслаждались семейным счастьем, и их единственная дочь Эрна росла, согретая солнечным светом любви и счастья. К сожалению, Тургау потерял жену после шести лет семейной жизни, и этот удар совершенно придавил добродушного человека, он не хотел больше знать мир и решил выйти в отставку. Нордгейм со своей жадной деятельностью всеми силами боролся против такого решения, но напрасно: шурин стоял на своем с упорством, свойственным его характеру. Он вышел в отставку в чине майора и

переселился с ребенком в свое имение Волькенштейнергоф; скудного дохода с имения да пенсии хватало на удовлетворение его скромных потребностей.

С тех пор между родственниками стало заметно охлаждение. Они виделись все реже и реже писали друг другу, пока постройка железной дороги в горах и необходимость приобрести для этого имение Тургау не заставили Нордгейма приехать в Волькенштейнергоф.

Приблизительно через неделю после визита Тургау в Гейльборн доктор Рейнсфельд опять шел по дороге в Волькенштейнергоф, но на этот раз не один: рядом с ним шел Эльмгорст.

– Вот уж и не снилось мне, Вольфганг, что судьба сведет нас здесь, – весело произнес молодой врач. – Когда мы расставались два года назад, ты смеялся над тем, что я еду в глушь, как тебе угодно было выразиться, а теперь сам явился сюда.

– Для того чтобы внести в эту глушь культуру, – договорил Вольфганг. – Ты, кажется, отлично чувствуешь себя здесь, прочно обосновался в этом жалком гнезде, где я тебя откопал, Бенно. Я же работаю тут только для будущего.

– По-моему, ты мог бы быть доволен и настоящим, – заметил Бенно. – В двадцать семь лет – уже старший инженер! Твои коллеги вне себя от ярости по поводу твоего назначения. Берегись, Вольф: ты попал в осиное гнездо.

– Ты думаешь, я боюсь осиных жал? Разумеется, они уже дали мне себя почувствовать, но я объяснил этим господам, что не расположен позволять ставить на моей дороге сверхком-плектные препятствия и что они должны уважать в моем лице начальство. Если они хотят войны – я не боюсь ее.

– Да, ты всегда был воинственной натурой, а я бы не выдержал, если бы мне пришлось постоянно находиться на военном положении.

– Представляю! Ты остался прежним миролюбивым Бенно, который никогда не мог сказать кому-либо дурное слово, и которым его возлюбленные ближние, разумеется, помыкали при каждом удобном случае. Сколько раз я говорил тебе: с этим в жизни недалеко уйдешь, а ведь надо подвигаться вперед.

– Вот ты и подвигаешься в сапогах-сорокоодах, – ответил Рейнсфельд. – Говорят, ты признанный фаворит всемогущего председателя Нордгейма. Я недавно опять с ним встретился, когда он приезжал в Волькенштейнергоф.

– Опять? Разве ты вообще его знаешь?

– Да, с детства. Он был дружен в молодости с моим отцом, они вместе учились, Нордгейм чуть не каждый день бывал у нас. Сколько раз я сживал у него на коленях, когда он проводил у нас вечера.

– В самом деле? Надо надеяться, ты напомнил ему об этом при встрече?

– Нет. Барон Тургау не назвал моей фамилии.

– А ты, разумеется, тоже этого не сделал! – со смехом воскликнул Вольфганг. – Это на тебя похоже! Случай доставляет тебе знакомство с влиятельным человеком, которому стоит сказать лишь слово, и ты получишь отличное место, а ты даже не назвал своего имени! Придется мне наверстать упущенное, в первый же раз, как увижу Нордгейма, скажу ему...

– Пожалуйста, не делай этого, Вольф! – поспешно перебил его Бенно. – Лучше ничего не говори.

– Но почему же?

– Потому что... этот человек достиг такого высокого положения, может быть, он не любит, чтобы ему напоминали о том времени, когда он был еще простым инженером.

– Ты несправедлив к нему: он гордится своим скромным происхождением, как всякий дельный человек, и, наверное, не откажется вспомнить друга юности.

– Боюсь, что эти воспоминания будут для него неприятны: позднее между ними что-то вышло, что именно – я никогда не мог узнать, но знаю, что разрыв был полный. Нордгейм

никогда больше не переступал порога нашего дома, а отец избегал даже произносить его имя. Они совершенно разошлись.

– В таком случае ты, конечно, не можешь рассчитывать на благоволение Нордгейма, – сказал Эльмгорст с разочарованием. – Насколько я его знаю, он никогда не простит обиды.

– Да, кажется, он стал невероятно высокомерен и властолюбив. Меня удивляет только, как ты с ним ладишь: ты не очень-то любишь гнуть спину.

– И именно поэтому он мне покровительствует. Я предоставляю гнуть спину и пресмыкаться лакейским душонкам, которые, пожалуй, промышлят себе этим какое-нибудь местечко. Тот же, кто хочет действительно выдвинуться, должен высоко держать голову и постоянно иметь в виду свою цель, иначе он всегда будет ползать по земле.

– А ты избрал целью, вероятно, тоже несколько миллионов? – насмешливо спросил Бенно. – Кем ты собираешься стать? Может быть, тоже председателем правления?

– В будущем – пожалуй, а пока только его зятем.

– Так я и думал, что окажется что-нибудь подобное! Почему бы тебе уж прямо не стащить солнце с неба? Это так же легко.

– Ты думаешь, я шучу? – спокойно спросил Вольфганг.

– Имею такую дерзость, потому что ты не можешь серьезно думать о дочери человека, богатство и счастье которого чуть не вошли в поговорку. Наследница Нордгейма может выбирать между баронами и графами, если только не предпочтет такого же миллионера, как ее отец.

– В таком случае все дело в том, чтобы перебежать дорогу этим баронам и графам. И я собираюсь это сделать.

Рейнсфельд вдруг остановился и посмотрел на товарища несколько озабоченно, а затем объявил коротко и ясно:

– Ты или спятил, или влюблен. Влюбленный все считает возможным, и очевидно, визит в Гейльборн был для тебя роковым.

– Влюблен? – повторил Вольфганг, и его губы дрогнули в насмешливой улыбке. – Нет, Бенно, ты знаешь, что у меня никогда не было ни времени, ни расположения заниматься любовными бреднями, теперь же менее, чем когда-либо. Не смотри на меня с таким ужасом, точно это государственная измена! Даю тебе слово, Алиса Нордгейм не раскается, если отдаст мне руку, она найдет во мне самого внимательного, самого деликатного мужа.

– Я нахожу такие расчеты отвратительными, – загорячился доктор. – Ты молод и талантлив, достиг положения, освобождающего тебя от всяких забот о завтрашнем дне, будущее открыто перед тобой, а у тебя в голове погоня за богатой женой! стыдно, Вольф!

– Милейший Бенно, ты этого не понимаешь! Вы, идеалисты, вообще не понимаете, что в жизни необходим расчет. Ты, разумеется, женишься по любви, будешь тяжким трудом зарабатывать хлеб для жены и детей в каком-нибудь маленьком городишке и, наконец, сойдешь в безвестную могилу с возвышающим душу сознанием, что остался верен своему идеалу. Я же требую от жизни всего или ничего.

– Так добивайся же этого, черт возьми, собственными силами! – еще горячее воскликнул Бенно. – Добился же твой великий образец, Нордгейм!

– Совершенно верно, но он ухлопал на это больше двадцати лет. Вот и мы поднимаемся по дороге медленно, с трудом, в поте лица своего, а взгляни-ка на того крылатого молодца! – и он указал на орла, описывающего круги над ущельем. – Его крылья донесут на вершину Волькенштейна в несколько минут. Да, хорошо, должно быть, стоять там, наверху, видеть весь свет у своих ног и чувствовать себя близко к солнцу! Я не хочу ждать, пока состарюсь, я желаю подняться наверх теперь же и, можешь поверить мне, решусь на полет раньше или позже!

В это время среди лиственниц леса, подымавшегося вверх по горе рядом с дорогой, послышалось шуршание; с высоты огромными прыжками слетел Грейф и стал приветствовать доктора, с визгом требуя от него обычной ласки. Вслед за ним наверху, между деревьями,

показалась его молоденькая хозяйка, спускавшаяся той же дорогой. Она во весь дух мчалась по камням и древесным корням, через чашу кустарника, пока не очутилась внизу, с пылающими щеками и еле переводя дух.

Баронесса Ласберг была бы вполне удовлетворена, если бы видела, как Эрна ответила на поклон Эльмгорста: холодно, сдержанно, совершенно так, как приличествует баронессе Тургау; при этом она мельком окинула взглядом изящную внешность молодого человека.

На Эльмгорсте был сегодня легкий, удобный костюм, приближающийся по покрою к одежде горцев; ему этот костюм шел замечательно, и Эльмгорст казался в нем туристом-аристократом, вышедшим с проводником на прогулку. Рейнсфельд со своей небрежной манерой держаться сильно терял рядом с этой стройной, высокой фигурой. Серая куртка и шляпа доктора успели за последние дни еще несколько раз побывать под дождем, отчего не стали красивее, но, по-видимому, это несколько его не огорчало. Глаза Рейнсфельда весело заблестели, когда он увидел молодую девушку, которая подошла к нему с обычной фамильярностью.

– Вы к нам, доктор, не правда ли? – спросила она.

– К вам, – подтвердил он. – Дома все благополучно?

– У папы был совсем нехороший вид утром, но все-таки он пошел на охоту, – сказала Эрна. – Мы с Грейфом отправились к нему навстречу, но не нашли его, должно быть, он пошел домой другой дорогой.

Девушка присоединилась к молодым людям, которые сошли теперь с проезжей дороги и направились по довольно крутой дорожке к Волькенштейнергофу. Однако Грейф решительно не желал мириться с присутствием Эльмгорста: он по-прежнему рычал на него и скалил зубы.

– Что это с Грейфом? – с удивлением спросил Рейнсфельд. – Обычно он относится к людям добродушно и доверчиво.

– По-видимому, его любовь к человеческому роду не простирается на меня, – сказал Эльмгорст, пожимая плечами. – Что касается его добродушия, то оно тоже не всегда проявляется: в Гейльборне, в салоне господина Нордгейма, он произвел целый переполох. Фрейлейн фон Тургау совершила настоящий подвиг ради того, чтобы успокоить ребенка, которого он перепугал до смерти.

– А господин Эльмгорст тем временем ухаживал за дамами, упавшими в обморок, – насмешливо промолвила Эрна. – Я еще видела, как рыцарски любезно перебежал он от Алисы к баронессе Ласберг и обливал обоих потоками одеколona. Можно было умереть со смеху!

Она громко и весело расхохоталась. Вольфганг на минуту сжал губы и бросил сердитый взгляд на молодую девушку, но потом ответил чрезвычайно учтиво:

– Вы так энергично завладели героической ролью в пьесе, что мне оставалось только взять на себя скромную роль услужливого рыцаря. Что я не особенно робкого десятка, я доказал вам недавно на Волькенштейне, хотя вследствие незнания дороги и не добрался до вершины.

– Да ты и не доберешься до нее, – вмешался Рейнсфельд, – вершина недоступна. Даже самые смелые альпинисты останавливаются перед этими стенами, и не одному удальцу попытка взобраться на них стоила жизни.

– Неужели фея Альп так ревниво охраняет свой трон? – смеясь, спросил Эльмгорст. – Вообще она, кажется, весьма энергичная дама, швыряет вокруг лавинами, как снежками, и, точно какое-нибудь языческое божество, ежегодно требует парочку-другую человеческих жертв.

Он взглянул на гору Волькенштейн, которая и сегодня оправдывала свое название: все другие горы были видны совершенно ясно, только ее вершину окутывали белые облака.

– Напрасно ты смеешься над этим, Вольфганг, – неохотно сказал доктор. – Ты не жил здесь осенью и зимой и еще не знаешь нашей сердитой феи Альп, страшных стихийных сил гор, которые слишком часто угрожают жизни и имуществу бедного горного люда; ее недаром боятся здесь, в ее царстве. Однако ты, кажется, хорошо знаком с этой легендой?

– Фрейлейн фон Тургау была так добра, что хотела познакомить меня со строгой дамой, – сказал Вольфганг. – Но она приняла нас очень немилостиво, встретив грозой на пороге своего дворца, так что я не удостоился чести представиться лично ей.

– Берегитесь этого личного свидания: оно может дорого вам обойтись! – воскликнула Эрна, рассерженная его насмешкой.

Эльмгорст улыбнулся с видом превосходства, в котором действительно было что-то оскорбительное.

– Вы не можете требовать от меня уважения к горным духам, баронесса: ведь я пришел сюда специально для борьбы с ними. Деятельность девятнадцатого столетия не уживается с верой в привидения. Пожалуйста, не смотрите на меня с таким негодованием: ведь наши поезда не побегут через Волькенштейн, так что ваша фея Альп может пока свободно воссесть на своем троне. Но ей придется все-таки наблюдать оттуда, как мы завладеем ее царством и закуем его в цепи. Впрочем, я не имею ни малейшего намерения лишать вас ваших детских верований. В вашем возрасте они вполне естественны.

Он ничем не мог рассердить свою юную противницу сильнее, чем этими словами, которыми так решительно причислял ее к детям. Это самое тяжкое оскорбление, которое можно нанести шестнадцатилетней девушке, и оно произвело свое действие. Эрна вспыхнула таким гневом, как будто самой ей пригрозили заковать в цепи, ее глаза засверкали, и, сердито топнув маленькой ножкой, она крикнула с детской горячностью:

– Ну, так я очень бы хотела, чтобы фея Альп сама спустилась с Волькенштейна среди бури и грома и показала вам свое лицо! Вы, наверное, не пожелали бы во второй раз увидеть его!

С этими словами она отвернулась от инженера и, оставив его с Рейнсфельдом, побежала через луг, а за ней последовал Грейф; через несколько минут ее стройная фигурка с развевающимися волосами скрылась в дверях дома.

Вольфганг остановился и смотрел ей вслед; насмешливая улыбка еще играла на его губах, но голос прозвучал резко, когда он произнес:

– О чем думает барон Тургау, предоставляя дочери расти, как трава в поле? Ведь она невозможна в цивилизованном обществе, она годится разве для этой глуши.

– Да, она выросла дикой и свободной, как альпийская роза! – сказал Бенно, также не сводя взора с двери.

Эльмгорст быстро обернулся при этих словах и пытливо посмотрел на друга.

– Ты становишься поэтом! Уж не воспылил ли ты страстью?

– Я? – удивленно спросил Бенно. – С чего ты взял?

– Мне пришло это в голову, потому что ты говорил так образно. Обычно за тобой такое не водится. Пока твоя «альпийская роза» – не более, как очень своенравный и невоспитанный ребенок, тебе придется еще воспитывать ее.

В этих словах слышался жесткий, саркастический оттенок, и они, видимо, оскорбили молодого врача; он ответил раздраженно:

– Отстань от меня со своими шутками! Скажи лучше, зачем ты идешь в Волькенштейнергоф. У тебя дело к барону?

– Да, но переговоры будут не особенно дружественными. Нам необходима его земля для железнодорожной линии, а он не дает ее, и мы должны были прибегнуть к нашему принудительному праву. Однако старый упрямец не унимается, он продолжает протестовать и упорно не позволяет производить на его земле какие-либо измерения. Этот человек воображает в своей ограниченности, что его отказ может к чему-нибудь привести. Разумеется, дело пошло своим порядком, а так как назначенный барону срок истекает, и мы вступаем во владение, то я и иду объявить ему, что работы начнутся безотлагательно.

Рейнсфельд слушал с очень серьезным лицом, и в голосе его слышалась сильная озабоченность, когда он сказал:

– Прошу тебя, Вольф, не приступай к делу со своей обычной бесцеремонностью: право же, барон не совсем вменяем в этом пункте. Я и сам не раз старался убедить его, что сопротивление бесполезно, но он положительно помешан на мысли, что никто не имеет права отнять у него его старинное родовое имение. Он любит свой дом всеми силами души, и если ему действительно придется расстаться с ним, боюсь, что это будет стоить ему жизни.

– Какой вздор! Он покорится, как все неразумные люди, когда увидит, что это, безусловно, необходимо. Но, конечно, я буду действовать деликатно, ведь речь идет о зяте Нордгейма. Не то я не стал бы церемониться, а просто послал бы рабочих к нему в дом. Нордгейм желает, чтобы дело устроили, по возможности щадя барона Тургау, потому я и взялся за него сам.

– Будет сцена, – заметил Бенно. – Барон Тургау прекраснейший человек, но невероятно вспыльчив и горяч, когда считает себя оскорбленным в своих правах. Ты еще его не знаешь.

– Напротив, я уже в Гейльборне имел честь познакомиться с его первобытной натурой и сегодня приготовился к всевозможным грубостям. Впрочем, ты прав: этот человек совершенно невменяем в серьезных вопросах, и я намерен считаться с этим.

Они вошли в дом. Тургау только что вернулся домой: на столе еще лежало ружье, а подле него – две куропатки. Должно быть, Эрна предупредила его о предстоящем визите, потому что он не высказал удивления при виде инженера.

– Ну-с, доктор, – со смехом крикнул он Рейнсфельду, – вы пришли как раз во время, чтобы убедиться в моем непослушании: пойман с поличным! – И он указал на ружье и на дичь.

– Достаточно взглянуть на вас самого, – возразил Рейнсфельд, глядя на темно-красное, разгоряченное лицо хозяина, а вы еще, говорят, плохо чувствовали себя утром.

Он хотел пощупать у Тургау пульс, но тот отдернул руку.

– Это подождет, мы успеем поговорить и после. Вы пришли ко мне в гости.

– Я позволил себе прийти, господин фон Тургау, – сказал Вольфганг, подходя, – и если мое присутствие не неприятно вам...

– Как человек, вы мне приятны, как инженер – нет, – ответил Тургау с обычной прямо-той. – Очень рад видеть вас, только, покорнейше прошу, ни слова о вашей проклятой дороге, иначе я, забыв всякое гостеприимство, вышвырну вас за дверь. Ну-с, милости просим! Садитесь!

Он придвинул инженеру стул и сам сел на обычном месте. Эльмгорст с первой же минуты увидел, как трудна будет его задача; возможность соблюдать осторожность, как требовали обстоятельства, казалась ему крайне сомнительной, но надо было приступить к делу, и он заговорил в шутовском тоне:

– И уже знаю, какого отъявленного врага имеет наше предприятие в вашем лице. Мое служебное положение – худшая рекомендация, с которой я мог явиться к вам, потому я и не решился прийти один, а захватил с собой своего старого товарища для защиты.

– Эльмгорст, Рейнсфельд – ваш товарищ? – спросил Тургау, и видно было, что инженер сразу возвысился в его глазах.

– Друг детства: мы подружились еще в школе, потом учились в одном городе, хотя и выбрали себе разные специальности. Приехав сюда, я тотчас разыскал Бенно, и, надеюсь, мы и теперь будем друзьями.

– Мы жили здесь так мирно, пока оставались между своими, – горько произнес Тургау, – а как явились вы со своей проклятой дорогой, начались раздоры; когда же здесь станут раздаваться свистки да грохот поездов – прощайте, покой и мир!

– Папа, ты нарушаешь условие, которое сам же поставил, и говоришь о дороге! – со смехом воскликнула Эрна. – Пойдемте, доктор, я хочу показать вам, что мне прислала кузина Алиса из Гейльборна. Это такая прелесть!

Она потащила доктора в соседнюю комнату, давая тем самым инженеру новый повод возмутиться ее невоспитанностью. Он был совершенно согласен с баронессой Ласберг – что за манера обращаться с молодым человеком, хотя бы он десять раз был врачом и другом дома!

Бенно бросил беспокойный взгляд на остающихся мужчин: знал, о чем теперь пойдет речь, но полагался на дипломатический талант друга.

– От этой истории никуда не уйдешь, – проворчал Тургау, и Эльмгорст тотчас ухватился за его слова.

– Вы совершенно правы, барон, к ней постоянно приходится возвращаться, и, даже рискуя, что вы приведете в исполнение свою угрозу и в самом деле вышвырнете меня за дверь, я должен представиться вам как уполномоченный железнодорожного общества, пришедший к вам по делу. Измерения и предварительные работы в Волькенштейнергофе нельзя откладывать долее, и на днях к ним приступят.

– Как бы не так! – гневно крикнул Тургау. – Сколько же раз мне повторять, что я не потерплю рабочих на своей земле?

– На вашей земле? Но она уже не ваша. Общество несколько месяцев тому назад приобрело ее, и вы можете когда угодно получить деньги. Все давно кончено.

– Ничего не кончено! – крикнул барон, еще более раздражаясь. – Вы воображаете, что я стану обращать внимание на приговор, который представляет насмешку над справедливостью, и которого ваше общество добилось несправедливыми путями? Вы думаете, я уйду из своего дома, чтобы дать место локомотивам? Ни шага не сделаю!

– Пожалуйста, не волнуйтесь! – перебил его Вольфганг. – Пока нет и речи о том, чтобы выгонять вас из дома: сейчас должны начаться только предварительные работы, сам же дом остается в вашем неограниченном распоряжении до следующей весны.

– Весьма милостиво! – горько засмеялся Тургау. – Итак, до следующей весны? А весной?

– Его снесут.

Барон собирался опять вспылить, но в хладнокровии Эльмгорста было что-то такое, что против воли принудило его сдержаться. По крайней мере, он сделал попытку овладеть собой, но его лицо еще больше потемнело, и он заговорил резким тоном:

– Вы находите, что это само собой разумеется? Да что вы знаете о том, как можно любить свой родной угол? Вы тоже принадлежите веку пара, как и мой шурин. Он выстроил себе три-четыре дворца, но ни в одном из них не проведет и года: сегодня он в них живет, завтра продаст, как ему придет фантазия, а Волькенштейнергоф уже два столетия принадлежит Тургау и должен оставаться в их роду, пока последний Тургау закроет глаза. Все остальное мы потеряли: мы не умели копить и скарденничать, и все мало-помалу было спущено. Но старое гнездо, колыбель нашего рода, мы удержали, несмотря ни на какую крайность, ни на какие несчастья. Мы предпочли бы терпеть нищету и голодать, чем расстаться с ним. И вдруг является ваша железная дорога и хочет сровнять с землей мой дом, уничтожить вековые права и отнять у меня то, что принадлежит мне по божеским и человеческим законам! Пусть попробует! Я говорю «нет и нет»! Это – мое последнее слово!

Тургау, в самом деле, имел такой вид, точно собирался отстаивать свои права до последней капли крови, и всякий другой собеседник, наверное, замолчал бы, чтобы не раздражать этого страстного человека, или отложил бы разговор, но Вольфганг и не подумал остановиться, решив довести дело до конца.

– Вон те горы еще древнее Волькенштейнергофа, – серьезно сказал он, – те леса еще глубже вашего пустили корни в родную почву, и все-таки они вынуждены уступить. Мне кажется, вы не имеете ни малейшего представления о том, каким грандиозным делом является наше предприятие, какими огромными капиталами оно ворочает и какие препятствия преодолевает. Мы прокладываем путь сквозь горы, изменяем течение потоков, перекидываем мосты через пропасти, и все, что стоит у нас на дороге, должно пасть. Мы вступаем в борьбу со сти-

хиями и остаемся победителями, спросите же сами себя, может ли остановить это движение воля одного человека.

Тургау не отвечал. Казалось, гнев его разбился о непоколебимое спокойствие противника, который стоял перед ним в самой почтительной позе, но ясный голос которого звучал жестко и неумолимо, а взгляд, твердо и холодно устремленный на Тургау, приводил того в оцепенение. До сих пор барон не хотел слушать никаких убеждений, упорно цепляясь за свои права, которые были в его глазах так же непоколебимы, как сами горы; теперь в его душу в первый раз закралось подозрение, что его упорство все-таки будет сломлено, что он окажется побежденным в борьбе с этой силой, покоряющей даже горы. Он тяжело оперся на стол и с трудом перевел дух.

– Вы увидите, что мы действуем со всей возможной деликатностью, снова заговорил Эльмгорст. – Работы, которые начнутся в ближайшее время, едва ли будут беспокоить вас, а зимой прекратятся совершенно; только весной, когда начнется собственно постройка...

– Я должен буду уйти, хотите вы сказать? – хриплым голосом договорил Тургау.

– Да, должны, – холодно ответил Эльмгорст.

Роковое слово, истину которого он вдруг почувствовал, лишило Тургау последних остатков самообладания. Он возмутился против него с горячностью, заставившей сомневаться в его вменяемости.

– Но я не хочу! Не хочу, говорю я вам! – выкрикнул он, не владея собой. – И если даже скалы и леса уступают вам, то я не сойду с вашей дороги! Но берегитесь наших гор! Как бы они не обрушились на все ваши постройки и не разнесли их в щепки! Хотел бы я присутствовать при том, как ваше проклятое дело разлетится вдребезги! Хотел бы я...

Барон не договорил и судорожно схватился руками за грудь, последнее слово замерло в глухом стоне, и его могучее тело грохнулось на пол, как пораженное молнией.

– Боже мой! – воскликнул, подбегая, доктор Рейнсфельд, появившийся в дверях во время последних слов бурной сцены. Но Эрна опередила его, она подбежала к отцу первая и с криком испуга опустилась подле него.

– Не пугайтесь! – сказал ей доктор, мягко отстраняя ее, и с помощью Эльмгорста поднимая бесчувственного барона, чтобы перенести на диван. – Это обморок, припадок головокружения, который уже был у барона несколько недель назад. Он и теперь поправится.

Девушка перешла вслед за ними к дивану и стояла с судорожно сжатыми руками, не сводя взора с лица говорящего. Должно быть, она прочла на нем вовсе не то, о чем говорили его утешительные слова.

– Нет, нет! – воскликнула она в ужасе. – Вы обманываете меня! Это другое! Он умирает, я вижу! Папа, папа, это я, твоя Эрна! Ты не узнаешь меня?

Бенно не ответил и стал поспешно снимать с больного сюртук; Эльмгорст хотел помочь ему, но Эрна оттолкнула его руку.

– Не прикасайтесь к нему! – крикнула она, задыхаясь. – Вы убили его, вы принесли несчастье в наш дом! Прочь от него! Я не потерплю, чтобы вы дотронулись до него... Уйдите!..

Вольфганг невольно отступил и, ошеломленный, испуганный, смотрел на Эрну. В эту минуту перед ним был далеко не ребенок, она стояла, широко разведя руки, как бы защищая отца, и глаза ее сверкали такой дикой, безграничной ненавистью, словно она готова была тут же задушить врага.

– Уйди, Вольфганг, – тихо сказал Рейнсфельд. – Бедная девочка совсем потеряла голову. Тебе не следует оставаться: очень может быть, что барон еще раз придет в себя, тогда именно тебя он не должен видеть.

– Еще раз? – повторил Эльмгорст. – Так ты боишься?..

– Самого худшего. Уходи и пришли мне на помощь старую Рони; ты найдешь ее где-нибудь в доме. Подожди во дворе, я выйду к тебе, когда будет можно.

И он почти насильно вывел его. Вольфганг молча повиновался. Он послал в комнату служанку, которую встретил в прихожей, и вышел на свежий воздух. Тяжело ему было: кто мог предвидеть такой конец!

Прошло около четверти часа. Бенно Рейнсфельд явился, наконец, он был очень бледен.

– Ну? – поспешно спросил Вольфганг.

– Все кончено! – вполголоса ответил доктор. – Удар, я с первой минуты увидел, что смерть неизбежна.

Вольфганг не ожидал такого, это было слишком ужасно, слишком внезапно, чтобы так сразу прийти в себя.

– Мне страшно тяжело, Бенно, – заговорил он все-таки, – но я ведь не виноват. Надо дать знать Нордгейму.

– Непременно, насколько я знаю, он единственный близкий родственник. Я должен остаться с бедной девушкой, она вне себя от отчаяния. Отправь кого-нибудь в Гейльборн...

– Я поеду сам. Прощай!

– Прощай! – коротко ответил Бенно, возвращаясь в дом. Вольфганг повернул к воротам, но вдруг остановился и медленно подошел к открытому окну.

Там, в комнате, стояла на коленях Эрна, обеими руками обхватив тело отца. Человек, еще четверть часа назад полный жизненных сил и упорно боровшийся с неумолимой судьбой, теперь лежал тихо и неподвижно; он не слышал отчаянного плача своего осиротевшего дитяти. Судьба обратила его слова в предсказание: Волькенштейнергоф оставался во владении старинного рода, колыбелью которого он был, пока последний Тургау не закрыл глаза навеки.

4

Прошло три года. Председатель Нордгейм переехал в столицу, где его дом вполне соответствовал богатству владельца. Это большое здание, скорее дворец, было выстроено знаменитым архитектором в самой аристократической части города. Внутренние помещения, убранные с расточительной роскошью, отвечали всем требованиям светской жизни, прислуги содержался целый штат.

Во главе хозяйства уже много лет стояла баронесса Ласберг. Овдовев и оставшись совершенно без средств, она воспользовалась рекомендацией одного из своих знатных родственников и весьма охотно заняла место в доме богатого «высочки», который предоставил ей неограниченную власть распоряжаться по своему усмотрению. Как ни старался это скрыть Нордгейм, но ему доставляла большое удовольствие мысль, что настоящая аристократка принимает его гостей и занимает место матери при его дочери и племяннице. Уже три года Эрна фон Тургау жила в доме дяди, который стал ее опекуном и тотчас после смерти отца взял ее к себе.

Председатель сидел в своем кабинете. Он разговаривал с господином, занимавшим место напротив него. Это был один из лучших столичных адвокатов, юрисконсульт железнодорожного общества, во главе которого стоял Нордгейм. Беседа имела оттенок частного разговора, хотя речь шла о делах.

– Вам следует поговорить об этом с Эльмгорстом, – сказал председатель, – он может доставить вам самые точные сведения.

– А разве он здесь? – несколько удивленно спросил адвокат.

– Со вчерашнего дня и предполагает пробыть около недели.

– Это очень кстати. Однако наша столица имеет особенную притягательную силу для господина инженера: он довольно-таки часто бывает здесь.

– Да, по моему желанию: я люблю узнавать о ходе дел из личных донесений, а не из писем. К тому же Эльмгорст уезжает только тогда, когда без него действительно могут обойтись.

Адвокат Герсдорф, человек лет сорока, чрезвычайно видной наружности с серьезным, умным лицом, по-видимому, понял его слова иначе. Он улыбнулся несколько насмешливо:

– В добросовестности господина Эльмгорста я не сомневаюсь, мы все знаем, что он делает скорее слишком много, чем мало. Общество может поздравить себя с приобретением такой полезной силы.

– Ну, заслуга принадлежит не обществу. Когда дело шло о назначении Эльмгорста, мне пришлось немало бороться из-за него, да и ему самому настолько затрудняли работу, что всякий другой на его месте, наверное, предпочел бы уйти, со всех сторон он встречал тайное недоброжелательство.

– Но справился с ним довольно скоро, – сухо заметил Герсдорф. – Я еще помню, как бунтовали сначала его коллеги, не желая сносить его повелительный тон, но мало-помалу они замолчали. Полагаю, он весьма энергичен в таких случаях. В последние три года он почти все прибрал к своим рукам; всем известно, что он никого не терпит над собой или даже рядом с собой.

– Я ничего не имею против его честолюбия, – спокойно возразил Нордгейм. – Кто хочет выдвинуться, должен проложить себе дорогу. Я еще раз доказал свое знание людей, настояв на назначении действительно еще очень молодого человека на такое ответственное место. Главный инженер тоже сначала был против Эльмгорста и уступил лишь по необходимости, а теперь сам рад, что имеет такую надежную опору. Что же касается Волькенштейнского моста, собственного произведения Эльмгорста, то, полагаю, он смело выдвигает своего творца в первые ряды.

– Мост действительно обещает быть чудом инженерного искусства, – согласился Гердсдорф. – Это смелое и грандиозное сооружение даже на чертеже, и, без сомнения, оно будет гвоздем всей линии. Итак, я поговорю с самим Эльмгорстом; вероятно, я найду его в гостинице, где он всегда останавливается?

– Нет, на этот раз вы найдете его у меня: я предложил ему остановиться в моем доме.

– Вот как!

По лицу адвоката пробежала какая-то особенная улыбка. Он знал, что служащие в ранге старшего инженера часами дожидаются в передней Нордгейма, Эльмгорста же тот пригласил к себе как гостя. Однако адвокат не стал затрагивать этот вопрос, его занимали более важные мысли, и он довольно рассеянно и торопливо простился с председателем, сказав, что сейчас же повидается с Эльмгорстом. Тем не менее, он как будто не особенно торопился с этим, потому что передал лакею в передней карточку с приказанием доложить о себе дамам.

Приемные комнаты находились в верхнем этаже. В салоне с обычной чопорной миной восседала баронесса Ласберг, недалеко от нее сидела Алиса. И она мало изменилась за истекшие три года – это было все то же хрупкое, бледное существо с усталым, безучастным выражением миловидного личика, оранжерейное растение, которое тщательно оберегали от каждого дуновения ветерка. Ее здоровье несколько укрепилось, но в бесцветном лице не проглядывало и следа свежести и веселья молодости. Зато у молодой особы, сидевшей подле баронессы Ласберг, свежести и веселья был даже избыток. Темно-синий выходной костюм восхитительно шел этой хорошенькой девушке, из-под бархатной шапочки выглядывало прелестное розовое личико с блестящими глазами и множеством черных завитков на лбу; маленький рот болтал и смеялся без умолку. В этой восемнадцатилетней девушке жизнь была ключом.

– Как жаль, что Эрны нет дома! – воскликнула она. – Мне надо было поговорить с ней о важных вещах, но тебе я не скажу ни слова, Алиса, это – сюрприз тебе ко дню твоего рождения. Надо надеяться, у вас будут танцы?

– Едва ли, – равнодушно ответила Алиса, – ведь уже март.

– Но погода совсем зимняя, и, кроме того, танцевать всегда можно! – заявила молодая девушка, причем ее маленькие ножки пришли в движение, точно она готова была сию же минуту доказать справедливость своих слов.

Баронесса Ласберг бросила укоризненный взгляд на эти чересчур бойкие ножки и холодно заметила:

– Мне кажется, баронесса, вы и без того много танцевали в прошедшую зиму.

– Но далеко не столько, сколько следует! Как мне жаль, что бедной Алисе запрещены танцы. Надо пользоваться молодостью, а то потом выйдешь замуж и всему конец! «Выйдешь замуж – натерпишься горя», – говорила наша старуха-нянька и всегда начинала плакать и вспоминать о своем покойном муже. Зловещее пророчество! Ты веришь ему, Алиса?

– Едва ли Алиса думает о таких вещах! – наставительно проговорила Ласберг. – Вообще не могу не сказать вам, милая Валли, что нахожу эту тему неприличной.

– О! – воскликнула Валли. – Вы, может быть, и выходить замуж находите неприличным?

– Если это делается с согласия и одобрения родителей и с соблюдением всех принятых правил, то нет.

– Ну, это бывает большей частью прескучно! – брякнула молодая баронесса, чем вывела даже Алису из ее безучастного равнодушия.

– Валли! – проговорила она с упреком.

– Баронесса Эрнстгаузен, разумеется, шутит, – сказала старая дама, бросая на Валли уничтожающий взгляд, – но даже как шутку это нельзя одобрить. Молодая девица должна быть крайне осторожна в выражениях и в своем поведении: общество, к сожалению, слишком расположено сплетничать.

Губы Валли задрожали, как будто она сдерживала смех, но она ответила с самым невинным видом:

– В этом вы совершенно правы, баронесса! Вообразите, прошлым летом на водах в Гейльборне решительно все сплетничали по поводу частых визитов к вам инженера Эльмгорста. Он действительно приезжал чуть не каждую неделю...

– К господину Нордгейму, – обрезала ее старуха. – Господин Эльмгорст составлял планы и чертежи для его новой виллы в горах и наблюдал за ее постройкой, поэтому частые свидания были необходимы.

– Да, все это знали и все-таки сплетничали! На основании цветочных подношений и прочих любезностей господина Эльмгорста утверждали...

– Баронесса, прошу вас, избавьте нас от сообщения того, что утверждали, – остановила ее Ласберг, выпрямляясь гневно и величественно.

Нескромной молодой особе, вероятно, пришлось бы выслушать длинную нотацию, если бы не появился лакей с докладом, что экипаж подан. Баронесса Ласберг поднялась и обратилась к Алисе:

– Я еду на заседание женского кружка, дитя мое, а тебе, разумеется, не следует выезжать в такую холодную погоду. Тебе вообще, кажется, нездоровится, и я боюсь...

Весьма красноречивый взгляд, дополнивший эти слова, выражал настойчивое требование, чтобы гостья поскорее удалась, но он не оказал желаемого действия.

– Я останусь с Алисой, и буду развлекать ее, – поспешила заверить Вали. – Вы можете быть совершенно спокойны за нее, баронесса!

Баронесса сжала губы с видом кроткого отчаяния и, поцеловав Алису в лоб, кивнула ее подруге, после чего с достоинством вышла.

Едва успела захлопнуться за нею дверь, как Валли подпрыгнула, словно резиновый мяч.

– Слава Богу! Ушла твоя надутая воспитательница! Мне нужно сказать тебе один секрет, Алиса, один страшно важный секрет! Собственно говоря, я хотела взять в поверенные Эрну, но так как ее нет, то ты должна мне помочь, должна! Иначе ты сделаешь двух людей несчастными на веки вечные!

– Я? – спросила Алиса, которую это торжественное вступление заставило открыть глаза.

– Да, ты! Но ведь ты еще ничего не знаешь! Мне надо все тебе объяснить, а между тем уже двенадцать часов, и Альберт сейчас придет... то есть доктор Герсдорф, хотела я сказать. Дело в том, что он любит меня, а я люблю его, и мы, разумеется, хотим обвенчаться, а мои родители не соглашаются, потому что он – не дворянин. Боже мой, Алиса, не смотри на меня с таким изумлением! Я познакомилась с Герсдорфом в вашем доме, и он объяснился мне в любви неделю тому назад у вас же, в зимнем саду, пока знаменитый виртуоз играл в зале, а все остальные слушали.

– Но... – попробовала возразить Алиса, однако ей не удалось заговорить, потому что поток речей молодой баронессы невозможно было остановить.

– Не перебивай! Я ведь еще ничего не сказала тебе! Когда мы вернулись в тот вечер домой, я объявила родителям, что я – невеста и что Альберт придет завтра просить моей руки. Вот крик-то поднялся! Папа негодовал, мама возмущалась, а бабушка, папин дядя, просто фыркали от ярости. Он у нас страшно важная персона, потому что очень богат, и мы со временем получим от него наследство. Но для этого он должен сначала умереть, а он не чувствует ни малейшего желания умирать. Для нас это очень плохо, говорит папа, потому что у нас ничего нет. Папа никогда не выходит из его воли: ему вечно не хватает жалованья, а бабушка, пока жив, не дает ни гроша. Ну, теперь тебе все ясно!

– Ничего не ясно, – возразила Алиса, буквально оглушенная хлынувшим на нее потоком речей. – Причем тут твой дедушка?

– Алиса, пожалуйста, не будь такой равнодушной! Уверю тебя, они собрали целый суд надо мной! Мама сказала, что у нее делается нервная дрожь при мысли, что я могу когда-нибудь носить имя Герсдорф, папа утверждал, что я должна дорого ценить себя, ведь со временем я буду «партией», а дедушка скорчил самую ужасную физиономию, потому что терпеть не может намеков на его наследство, но тоже кричал во все горло, что это – мезальянс. Он перечислил мне всех наших дедов, прадедов и прапрадедов, которые все перевернутся в своих могилах. Но мне ведь это совершенно все равно: пусть себе почтенные старички переворачиваются сколько угодно, по крайней мере, разнообразие для них в скучном фамильном склепе. К несчастью, я имела неосторожность сказать это, и тогда буря налетела со всех сторон разом! Дедушка поднял руку и поклялся, но я тоже поклялась! Я стала перед ним вот так, – Валли вскочила и обеими ножками топнула по ковру, – и объявила, что не откажусь от моего Альберта ни за что на свете!

Молодая баронесса почувствовала, наконец, необходимость перевести дух и воспользовалась этой вынужденной паузой для того, чтобы подбежать к окну, так как послышался стук отъезжающего экипажа; выглянув в окно, она так же быстро вернулась назад.

– Твоя воспитательница уехала! Слава Богу, мы от нее отделались! Она что-то подозревает, иначе я не получила бы таких колких замечаний. Но она не скоро вернется, потому что заседание займет не меньше двух часов, и на этом я и построила свой план. Мне запретили всякие отношения с Альбертом, и письменные, и устные. Но видеться с ним мне необходимо, поэтому я пригласила его сюда, в твою гостиную, и ты должна быть ангелом-хранителем нашей любви.

Алиса, видимо, ничуть не обрадовалась предназначенной ей роли. Она выслушала все объяснение без всяких «ах!», в немом изумлении перед тем, что такие вещи вообще могут твориться на свете. Чтобы можно было обручиться без согласия родителей и даже против их воли – это было вне круга понятий Алисы: баронесса Ласберг слишком хорошо воспитала ее. Она выпрямилась в кресле и сказала:

– Нет, это неприлично.

– Что неприлично? Что ты будешь ангелом-хранителем? – с негодованием воскликнула Валли. – Значит, ты хочешь обмануть мое доверие, сделать нас несчастными, повергнуть нас в отчаяние? Ты хочешь, чтобы мы умерли? Да, да, мы оба умрем, если мне не позволят выйти за Альберта. Неужели у тебя хватит духа взять такое на свою совесть?

К счастью, в этот момент доложили о Герсдорфе. Наступила минута мучительного колебания. Алиса как будто сделала попытку сказатьсь больной и велеть отказать посетителю, но Валли заслонила ее собой и проговорила тоном приказа:

– Просите!

Лакей исчез, а Алиса со вздохом опять откинулась на спинку кресла. Она сделала все, что могла: хотела сопротивляться, но, так как ей не дали выговорить решительное слово, она отказалась от дальнейших усилий и предоставила события их естественному течению.

Герсдорф вошел, и Валли полетела ему навстречу, готовая броситься в его объятия; но он только поднес ее руку к губам и, не выпуская этой маленькой ручки, направился к молодой хозяйке дома, говоря:

– Прежде всего, я должен просить у вас прощения за своеобразный способ пользоваться вашей дружбой, к которому прибегла моя невеста; но, к сожалению, нас принуждают к этому обстоятельству. Вероятно, вы уже знаете, что я сделал предложение Валли и получил ее согласие; я хотел на другой же день просить согласия ее родителей, но барон Эрнстгаузен даже не принял меня.

– А меня запер на целое утро! – вставила Валли.

– Тогда я сделал предложение письменно, – продолжал Герсдорф, однако, получил ледяной отказ без всякого указания причин. Барон написал...

– Отвратительнейшее письмо! – опять вмешалась Валли. – Но его продиктовал дедушка. Я знаю, потому что подслушивала у замочной скважины.

– Как бы то ни было, он отклонил мое предложение. Но так как Валли добровольно отдала мне свое сердце и руку, я сумею настоять на своем, и потому считал себя вправе прийти сюда для свидания с ней. Еще раз прошу извинить нас. Будьте уверены, мы не станем злоупотреблять вашей добротой.

Он говорил так открыто, так мужественно и сердечно, что Алиса начала находить всю историю уже не столь неприличной и в нескольких словах выразила свое согласие. Правда, она не понимала, как мог такой серьезный, сдержанный человек полюбить маленькую, подвижную, болтливую Валли и заслужить ее взаимность, но сомневаться в этом было невозможно.

– Тебе нет надобности слушать, Алиса, – сказала Валли успокоительно. – Возьми книгу и читай, а если в самом деле нездоровится, подремли немножко. Мы не будем на тебя в претензии, даже наоборот...

Она подхватила своего Альберта под руку и увлекла его в балконный фонарь, отделенный от гостиной турецкой занавесью. Сначала они говорили шепотом, но маленькая баронесса не могла долго выдержать, скоро она заговорила взволнованно и довольно громко, а за нею и Герсдорф невольно повысил голос, так что Алиса могла слышать весь их разговор. Она послушно взяла книгу, но вдруг опустила ее на колени, потому что до ее ушей долетело ужасное слово «уезди».

– Нам не остается другого средства, – воскликнула Валли. – Ты должен увезти меня и не позже, как послезавтра утром, в половине первого: в это время дедушка уезжает назад в имение, а папа и мама поедут провожать его на вокзал, мы же тем временем можем преспокойно сбежать. Мы поедem в Гретна-Грин, поскорее обвенчаемcя – я как-то читала, что там не практикуется никаких записей и прочих церемоний – и вернемся мужем и женой.

Этот план похищения и путешествия был изложен весьма убедительно, но не встретил ожидаемого сочувствия. Герсдорф сказал спокойно и твердо:

– Нет, Валли, это не годится. Существуют кое-какие законы, решительно запрещающие романтические экскурсии. Твоя горячая головка еще не имеет понятия о жизни и налагаемых ею обязанностей, я же их знаю, и мне, человеку, специальность которого – защита права, было бы не совсем прилично попираТЬ это право ногами.

– Что мне за дело до твоих законов? – воскликнула Валли, донельзя оскорбленная. – Вообще как ты можешь говорить о таких прозаических вещах, когда дело идет о нашей любви? Что же нам делать, если папа и мама останутся при своем отказе?

– Прежде всего, ждать, чтобы твой дедушка в самом деле уехал. С этим упрямым аристократом ничего не поделаешь: как человек мещанского происхождения, я не гоЖусь, по его убеждению, в мужья баронессе Эрнстгаузен. Когда же его непосредственное влияние в доме твоих родителей будет устранено, я добьюсь, чтобы твой отец выслушал меня, и попробую преодолеть его предубеждение. Мы должны запастись терпением и подождать.

Молодая баронесса окаменела от испуга при этой перспективе. Вместо романа с бегством и тайным браком ей рекомендовали ждать и оставаться у тиранов-родителей, а ее возлюбленный, который, по ее плану, должен был победоносно вынести ее оттуда на руках, вел себя так трезво и рассудительно, как будто собирался из-за обладания нею начать процесс по всем юридическим правилам. Это было слишком для ее пылкой натуры, и она гневно воскликнула:

– Скажи уж лучше прямо, что ты не нуждаешься во мне, что у тебя не хватает храбрости решиться на что-нибудь ради меня! В тот вечер, когда ты сказал, что любишь меня, ты говорил совсем иначе! Я возвращаю тебе твое слово, я расстанусь с тобой навеки. – Тут Валли начала громко всхлипывать. – Я выйду замуж за человека, у которого будет бесконечное множество предков... дедушка найдет мне такого, но я умру от горя, и не пройдет и года, как я сама буду лежать в фамильном склепе...

– Валли! – с упреком проговорил серьезный, кроткий голос адвоката. – Валли, посмотри на меня! Неужели ты в самом деле не веришь моей любви?

Это опять был голос, полный нежности, так хорошо знакомый Валли с того вечера, когда они были одни в зимнем саду и она с бьющимся сердцем слушала его признание в любви под звуки музыки. Она перестала всхлипывать и сквозь слезы посмотрела на своего возлюбленного, наклонившегося над ней.

– Неужели моя милая маленькая Валли совершенно не верит мне? Ты обещала быть моей и будешь. Я не позволю отнять у меня мое счастье, хотя и пройдет некоторое время, прежде чем я получу возможность заключить в объятия мою жену.

Герсдорф говорил так тепло и искренне, что слезы Валли высохли, головка ее опустилась на его грудь, и на губах уже задрожала улыбка, когда она спросила:

– Но, Альберт, ведь не так же долго придется нам ждать, чтобы ты успел состариться, как мой дедушка?

– Нет, не так долго! Ведь в таком случае злая, упрямая девочка, которая готова сию же минуту отказаться от меня, стоит мне что-нибудь сделать не по ней, едва ли пошла бы за меня.

– О, я всегда пойду за тебя! – воскликнула Валли с бурной нежностью. – Ведь я так люблю тебя, Альберт, так безгранично люблю!

Он привлек ее к себе, но теперь его голос понизился до шепота, Валли отвечала так же тихо, и конец разговора уже нельзя было расслышать. Минут через пять они вернулись в гостиную, и как раз вовремя, потому что в эту минуту появился Эльмгорст, который, как живущий в доме, не нуждался в докладе.

Наружность Вольфганга еще изменилась к лучшему в последние три года: черты лица стали еще тверже и мужественнее, осанка внушительнее; молодой человек, тогда только что поставивший ногу на первую ступеньку лестницы, которая должна была привести его наверх, научился подниматься по ней и приказывать.

В руках у него был душистый букет, и он с несколькими любезными словами поднес его хозяйке. Представлять гостей друг другу не было надобности, потому что Герсдорф уже давно был знаком с инженером, а Валли познакомилась с ним в Гейльборне, где провела с родителями прошлое лето.

Некоторое время шел общий разговор, но скоро общество разошлось: адвокат воспользовался первым удобным случаем, чтобы проститься, а минут через десять ушла и Валли. Ей очень хотелось остаться, чтобы отвести душу поболтать с Алисой, однако Эльмгорст явно не желал уступать ей поле действия; маленькая баронесса чувствовала, что он считает ее присутствие здесь совершенно излишним. Поэтому она тоже простилась и ушла, но в следующей комнате мудро изрекла:

– Мне кажется, там что-то затевается!

Между тем Алиса держала в руках чудесный букет из камелий и фиалок и вдыхала его аромат, но имела при этом в высшей степени равнодушный вид. Богатую наследницу со всех сторон окружали вниманием и любезностью и осыпали цветочными подношениями; по-видимому, она и сейчас не придавала букету особенного значения. Вольфганг сел напротив и заговорил живо и увлекательно. Он говорил о новой вилле, которую Нордгейм выстроил в горах, и в которой его семья должна была в первый раз провести лето в этом году.

– К вашему приезду будет закончена и внутренняя отделка, – сказал он, – сам же дом был окончен еще осенью. Близость железнодорожной линии дала мне возможность лично наблюдать за работами. Скоро вы познакомитесь с горами.

– Но я уже знакома с ними, – ответила Алиса, все еще занятая цветами. – Мы каждое лето бываем в Гейльборне.

– В летней резиденции столичного общества с альпийским ландшафтом на заднем плане! – насмешливо возразил Эльмгорст. – Это не горы, с ними вы познакомитесь только в

своем новом доме. Местоположение великолепно, и я льщу себя надеждой, что и сама вилла понравится вам: простая вилла в швейцарском стиле, но именно такой от меня настоятельно требовали.

– Папа говорит, что это маленькое чудо архитектурного искусства, – спокойно проговорила Алиса.

– Я был бы очень рад, если бы мое произведение сделало мне честь как архитектору; ведь, собственно говоря, архитектура вовсе не моя специальность, но дача предназначена для вас, и я не хотел предоставлять ее постройку никому другому; я просил и получил от вашего батюшки право выстроить этот маленький горный замок, который, как он мне сказал, предназначается в вашу исключительную собственность.

Намек был достаточно ясен, и полученное от отца право было слегка подчеркнуто. Но молодая девушка не смутилась, она только сказала, по обыкновению вяло и безучастно:

– Да, папа хочет подарить мне виллу, а потому я не должна видеть ее, пока она не будет закончена. Вы проявили большую любезность, взяв на себя ее постройку.

– Напротив, с моей стороны было эгоизмом навязываться, потому что каждый архитектор, в конце концов, требует награды, и цена, которую я потребую, может быть, покажется вам чересчур высокой. Но вы позволите мне все-таки высказать одну просьбу?

Алиса медленно подняла на него свои большие темные глаза; ее вопросительный, почти печальный взгляд, казалось, искал чего-то в красивых, энергичных чертах молодого человека. В них выразалось оживление, напряженное ожидание, но больше ничего, и вопросительно устремленные на них глаза снова скрылись под опустившимися ресницами. Ответа не было.

Однако Вольфганг как будто принял это за поощрение. Он встал и подошел к креслу молодой девушки.

– Моя просьба очень смела, но смелым Бог владеет. Так я сказал когда-то вашему батюшке, когда просил его представить меня вам; эта поговорка всегда была моим девизом, пусть же она будет им и сегодня. Хотите выслушать меня, Алиса?

Она слегка наклонила голову и позволила Эльмгорсту взять ее руку и поднести к губам. Он заговорил. Это было предложение по всей форме, сделанное почтительно, рыцарски изящно, причем голос весьма красноречиво подкреплял действие слов, только в нем не хватало теплоты... Это было предложение, но не объяснение в любви.

Алиса слушала без всякого удивления: для нее давно не было тайной, что Эльмгорст ищет ее руки, и она знала также, что отец покровительствует ему. Он допустил молодого человека бывать в его доме на короткой ноге и уже не раз в присутствии дочери подчеркивал, что Эльмгорста ожидает блестящее будущее, и это в его глазах гораздо важнее гербов аристократов, стремящихся на чужие деньги подновить потускневший блеск своего имени. Сама Алиса была слишком пассивна для того, чтобы проявить собственную волю, к тому же ей с детства внушали, что благовоспитанная девица может выйти замуж лишь за человека, выбранного ее родителями, и она, наверное, не почувствовала бы, что в предложении Эльмгорста чего-то недостает, если бы Валли не пришла в голову идея торжественно возвести ее в звание ангела-хранителя своей любви.

Да, шепот, который недавно долетал до ее ушей, капризные упреки и ласки девушки, всей душой полюбившей серьезного человека, – все это звучало совсем иначе! А какой безграничной нежностью дышало все, что исходило из его уст! Здесь же почтительно просили руки богатой наследницы, только руки, о сердце не было и речи.

Вольфганг кончил и ждал ответа. Он склонился над Алисой и спросил с упреком:

– Алиса... вы ничего мне не скажете?

Молодая девушка и сама видела, что должна что-нибудь сказать, но она не привыкла решать самостоятельно, и ее ответ прозвучал именно так, как следовало ожидать от воспитанницы баронессы Ласберг:

– Я должна спросить сначала у отца. Как он решит...

– Я прямо от него, – перебил Эльмгорст. – Я пришел с его согласия и разрешения. Вы позволите мне сообщить ему, что моя просьба и мои желания встретили у вас сочувствие? Могу я отвести к нему свою невесту?

Алиса тихо проговорила:

– Вам придется быть очень снисходительным ко мне. Я долго и тяжело болела в детстве, и это до сих пор еще тяготееет надо мной: меня точно гнетет тяжесть, которую я не могу стряхнуть с себя. Вы будете страдать, и я боюсь...

Она не закончила. Было что-то детски-трогательное в ее тоне, в этой просьбе о снисхождении в устах молодой наследницы, рука которой приносила жениху княжеское состояние. Вероятно, Вольфганг почувствовал это: в первый раз во время разговора в его голосе прорвалось что-то вроде душевной теплоты.

– Не продолжайте, Алиса! Я знаю, что вы хрупкая девушка, которую надо беречь и лелеять, и буду охранять вас от всякого грубого прикосновения жизни. Доверьтесь мне, вручите мне свое будущее, и я клянусь своей... «любовью», хотел он сказать, но ложь не шла с языка этого гордого человека, который умел рассчитывать, но не в силах был лицемерить, и он договорил медленнее, – своей честью, что вы не раскаетесь.

Его слова звучали твердо и мужественно, и видно было, что он серьезно думает то, что говорит. Алиса почувствовала это; она охотно положила свою руку в руку Эльмгорста и позволила ему заключить ее в объятия. Губы жениха в первый раз прикоснулись к ее губам; он говорил о своей благодарности, о своей радости, называл ее своей дорогой невестой, словом, помолвка совершилась по всем правилам. Недоставало только пустяка – того ликующего признания, которое недавно вырвалось у маленькой Валли сквозь смех и слезы в одно и то же время: «Я так люблю тебя, так безгранично люблю!»

5

Парадные приемные залы в доме Нордгейма были залиты светом: праздновали сразу и день рождения дочери хозяина, и ее помолвку. Для общества то был сюрприз, потому что, несмотря на все слухи и сплетни, никто не верил всерьез в возможность такого союза. Ведь это неслыханно, чтобы один из богатейших людей в стране отдал руку своей единственной дочери молодому инженеру самого скромного мещанского происхождения, не имеющему никакого состояния и обладающему только талантом, который, впрочем, сулил ему видную будущность.

Что здесь не было никакой романтической истории – все знали: Алиса считалась вообще весьма ограниченной и не способной на глубокое чувство. Тем не менее, она представляла партию первого разряда, и известие об ее помолвке принесло горькое разочарование многим в аристократическом кругу, в котором за ней усиленно ухаживали. Нордгейм еще раз доказал, что не ценит преимуществ, которые давало ему богатство: он мог бы купить дочери графскую корону, а выискал себе зятя между служащими своего железнодорожного общества. Это возмутительно! Однако на празднество явились все, кто только был приглашен: всем хотелось посмотреть на счастливица, который отбил невесту у знатных претендентов, и которого судьба внезапно вынесла на вершины жизни, суля ему миллионы.

Незадолго до начала съезда гостей Нордгейм вошел с женихом в приемный зал. Он был в прекрасном настроении и в полнейшем согласии со своим будущим зятем.

– Сегодня ты будешь представлен столичному обществу, Вольфганг, – сказал он. – Во время своих коротких наездов ты вращался исключительно в нашем семейном кругу, теперь же завяжешь здесь отношения, потому что вы поселитесь, разумеется, в столице: Алиса привыкла к жизни в большом городе, да и ты, вероятно, ничего не будешь иметь против.

– Разумеется, нет, – согласился Вольфганг. – Я люблю чувствовать себя в центре широкой жизни и кипучей деятельности, а что это будет со временем возможно – я вижу по твоему примеру: ты умудряешься руководить отсюда всеми своими многочисленными предприятиями.

– Эта деятельность уже начинает несколько тяготить меня. В последнее время я чувствую, что мне нужен помощник, и потому рассчитываю, что снимешь с меня часть бремени. Впрочем, пока ты еще необходим на работах по окончанию железнодорожной линии: главный инженер все больше хворает и только номинально руководит делом.

– Фактически оно в моих руках, когда же он окончательно удалится от дел – а я знаю, что он серьезно об этом думает, – ты дал мне слово, что я буду его преемником.

– Разумеется, и я уверен, что на сей раз не встречу никаких затруднений. Правда, впервые во главе такого предприятия будет стоять человек твоих лет, но Волькенштейнский мост был пробным камнем, да и вообще моему будущему зятю не могут отказать в первом месте.

– Ты так много даешь мне этим родственным союзом, – серьезно сказал Эльмгорст, – я же могу дать тебе взамен только сына.

Нордгейм задумчиво посмотрел в лицо говорящему, и в голосе его послышался оттенок теплого чувства, когда он произнес:

– У меня был сын, и с ним я связывал все свои планы, но он умер еще в детстве, и я часто с горечью думал о том, что какой-нибудь знатный туineaдец станет пожинать плоды моих трудов и собирать там, где я сеял. К тебе у меня больше доверия: ты будешь продолжать и поддерживать то, что я создал, и завершишь то, что мне придется, может быть, оставить незаконченным. Я передам в твои руки свое духовное наследство.

– И я сумею сберечь его, – договорил Вольфганг, крепко пожимая ему руку.

Нордгейм ответил на рукопожатие так же искренне. У них были родственные натуры, но все-таки это был странный разговор в день обручения, в ожидании прихода невесты. Оба говорили исключительно о своих надеждах и планах, об Алисе даже не упоминалось. Отец ожидал

от будущего зятя всевозможных вещей, но потребовать счастья своей дочери ему не приходило в голову, жених же ни разу не произнес имени невесты. Речь шла о постройках и мостах, о главном инженере и железнодорожном обществе, точно сегодня между этими людьми был заключен деловой договор, как между двумя компаньонами. Разговор был прерван лакеем, пришедшим к хозяину за приказаниями относительно распределения мест за столом, и Нордгейм отправился в столовую, чтобы решить этот вопрос. Вольфганг остался один в приемных залах, занимавших весь верхний этаж дома.

Из большого зала с пурпурными обоями и бархатными драпировками открывался вид на целую анфиладу комнат, великолепие которых особенно бросалось в глаза теперь, когда они были еще пусты. Всюду множество дорогих предметов, картины, статуи и другие произведения искусства, из которых каждое стоило маленького состояния, а завершал длинный ряд комнат зимний сад – царство редких экзотических растений.

Вольфганг стоял неподвижно, и его взор медленно скользил вокруг. В самом деле, мысль, что он теперь свой в этом доме, будущий наследник всей этой роскоши, вызвала пьянящее чувство; нельзя было поставить в вину молодому человеку, что его грудь высоко вздымалась, и глаза блестели торжеством, он сдержал данное себе слово и привел в исполнение смелый план, о котором говорил когда-то товарищу: решился на полет, достиг вершины, о которой мечтал, и мир, расстилавшийся у его ног, действительно был прекрасен.

Дверь отворилась. Эльмгорст обернулся и сделал несколько шагов по направлению к ней, но вдруг остановился, потому что вместо его невесты вошла Эрна фон Тургау.

Теперь у нее был совсем другой вид, чем тогда, когда она встретила на склонах Волькенштейна с заблудившимся путником: необузданная девочка выросшая в горах на приволье, не зная стеснения, не напрасно прожила три года в аристократическом доме дяди и подверглась «дрессировке» баронессы Ласберг. Дикая альпийская роза превратилась в грациозную молодую девушку с безукоризненными манерами и с такой же сдержанностью ответила на поклон Вольфганга. Но как же хороша она стала... ослепительно хороша!

Черты Эрны определились и приобрели правильность, лицо и теперь блистало свежестью, но в нем появился оттенок серьезности, даже холодности, да и глаза не блестели больше беззаботным весельем юности. Теперь что-то другое таилось в их мерцающей синеве, загадочной, как воды родных горных озер, и они влекли к себе так же неотразимо, как эти воды. Высокая девушка в воздушном белом платье, украшенном лишь несколькими водяными лилиями, производила сильное впечатление. Такой же цветок украшал ее волосы, которые не развевались больше вокруг головы непокорными локонами.

– Алиса и баронесса Ласберг сейчас выйдут, – сказала она, входя. – Я думала, что дядя здесь.

– Он в столовой, – ответил Эльмгорст, поклон которого был не менее церемонным.

Эрна сделала движение, как будто собираясь идти за дядей в столовую, но, по-видимому, решила, что это будет невежливо по отношению к новому родственнику; она остановилась и, бросив взгляд на длинный ряд комнат, спросила инженера:

– Вы в первый раз видите эти залы в их полном блеске? Красиво, не правда ли?

– Очень красиво! А на человека, приехавшего, как я, из пустынных, занесенных снегом гор, они производят положительно ослепляющее впечатление.

– Меня они тоже ослепили, когда я приехала, но к такой обстановке легко привыкаешь. Вы убедитесь в этом на собственном опыте, когда поселитесь здесь. Значит, решено, что ваша свадьба с Алисой будет не раньше, чем через год?

– Да, будущей весной.

– Довольно долгий срок. Вы в самом деле согласны на него?

Этот разговор был странно неприятен жениху; он внимательно рассматривал майоликовую вазу, около которой стоял, и ответил с очевидным желанием переменить тему:

– Поневоле согласен, потому что пока не могу спокойно располагать временем и уехать: надо сначала закончить постройку железнодорожной линии, на которой я состою старшим инженером.

– Неужели вы так связаны? – спросила Эрна с легкой насмешкой. – Мне кажется, нетрудно освободиться от службы, которую вы все равно потом бросите.

– Вы считаете, что это само собой разумеется? – спросил Эльмгорст, рассерженный ее тоном. – Решительно не знаю, что могло бы принудить меня к этому.

– Просто положение, которое вы займете в будущем, как супруг Алисы Нордгейм.

Краска залила лоб инженера, и он бросил угрожающий взгляд на девушку, осмелившуюся напомнить ему, что он женится на деньгах. Она даже улыбалась, и ее замечание звучало как будто шутливо, по глаза говорили другое – они выражали презрение, и Эльмгорст слишком хорошо понял их. Однако он был не таков, чтобы его можно было сразить презрением как простого искателя приключений; он тоже улыбнулся и ответил с холодной вежливостью:

– Вы ошибаетесь. Для меня труд составляет жизненную потребность, лениво наслаждаться жизнью, ничего не делая, я не способен. Вас это, кажется, удивляет...

– Нисколько, – возразила Эрна. – Я как нельзя лучше понимаю, что настоящий мужчина должен искать опоры в собственной силе.

Вольфганг прикусил губу, но парировал и этот удар.

– Вероятно, я должен принять это как комплимент? Действительно, я искал опоры лишь в собственной силе, когда составлял проект Волькенштейнского моста, и, надеюсь, мое произведение будет делать мне честь и тогда, когда я буду супругом Алисы Нордгейм. Извините, такие вещи не интересуют дам.

– Меня они интересуют, – жестко сказала Эрна, – ведь мой родной дом должен был уступить место вашему мосту, и ваше произведение потребовало от меня еще и другой, более тяжелой жертвы.

– Которая никогда не будет мне прощена, – договорил Эльмгорст. – Вы до сих пор заставляете меня искупать тот несчастный случай, а между тем чувство справедливости могло бы подсказать вам, что я не заслуживаю ваших упреков.

Эрна не ответила, но ее молчание было достаточно красноречиво. Эльмгорст, видимо, ждал хотя бы формального опровержения, потому что его голос выдавал мучительную горечь, когда он продолжал:

– Никто больше меня не сожалеет о том, что именно мне досталось на долю вести последние переговоры с бароном Тургау. Они были необходимы, а предвидеть их печальный исход было невозможно. Не я, а жестокая необходимость потребовала, чтобы ваш родной дом был принесен в жертву; Волькенштейнский мост так же мало виноват в этом, как и я.

– Я знаю, но бывают случаи, когда невозможно оставаться справедливым. Вы теперь член нашей семьи и убедитесь, что я буду оказывать вам всякое внимание, какого только может требовать от меня новый родственник, но я в своих чувствах я никому не обязана отдавать отчет.

– Другими словами – вы ненавидите мое произведение и... меня?

Эрна молчала. Она давно отучилась от детской необузданности, с которой, будучи выведена из себя насмешками над ее горными легендами, сказала тогда в лицо чужому человеку, что терпеть его не может. Теперь она стояла перед ним спокойно, с неподвижным лицом, но глаза ее еще не разучились вспыхивать, и взгляд их в эту минуту доказывал, что порывистая натура девушки покорена лишь внешне и дремлет, нетронутая в своей глубине. Эти глаза сверкнули молнией, они выговорили пылкое «да» в ответ на последний вопрос Эльмгорста, хотя уста безмолствовали.

Он не мог не понять их, но его взгляд не отрывался от враждебной темно-синей глубины. Впрочем, это длилось не более нескольких секунд. Эрна отвернулась и заговорила легким тоном:

– Какой странный разговор мы завели! О жертвах, ненависти и упреках – и это в день вашего обручения!

Вольфганг быстрым, почти резким движением отступил назад.

– Вы правы! Поговорим о чем-нибудь другом.

Но они не стали говорить, напротив, наступило молчание, тягостное для обоих. Молодая девушка, опустившись на стул, стала внимательно рассматривать рисунок своего веера, тогда как ее собеседник подошел к двери в соседнюю комнату и опять занялся созерцанием великолепия открывавшейся перед ним анфилады. Лицо его, однако, уже не выражало чувства гордого удовлетворения, нет, в нем можно было прочесть глубокое раздражение.

Дверь зала отворилась, и вошла баронесса Ласберг с Алисой.

Баронесса имела покорно-страдальческий вид: она хоронила сегодня свою заветную мечту. Она твердо рассчитывала ввести свою питомицу в ряды аристократии, и вдруг Вольфганг Эльмгорст перехватил добычу. Впрочем, он был единственным человеком, которому баронесса могла простить это, потому что давно сумел войти у нее в милость, но все-таки оставалось прискорбным фактом, что такой безукоризненно изящный кавалер носил простую мещанскую фамилию.

Алисе совершенно не шло бледно-голубое атласное платье с чересчур роскошной кружевной отделкой и длинным шлейфом. Тяжелые складки дорогой материи положительно давили ее хрупкую фигурку, а бриллианты, сверкавшие на шее и руках, были не в силах придать жизнь ее вялому и бесцветному лицу.

Вольфганг быстро направился к невесте и поднес ее руку к губам. Он был полон внимания к ней, любезности по отношению к баронессе Ласберг, но его лицо прояснилось лишь тогда, когда вернулся Нордгейм и стали подъезжать первые гости.

Залы начало заполнять блестящее общество. Здесь были сливки столицы: родовая аристократия и аристократия ума, мир финансов и искусств, высшие военные и статские чины. Между драгоценными дамскими туалетами блистали многочисленные мундиры; все сверкало, волновалось, шуршало и вполне гармонировало с блеском дома Нордгейма.

Центром общего внимания были жених и невеста, вернее, жених, который большинству был совершенно не известен и потому возбуждал двойной интерес. Эльмгорст красив – это невозможно отрицать, и в его талантливости также не сомневались, но с такими только качествами не получают руки одной из богатейших наследниц, которая может предъявлять и другие требования. И при этом молодой человек как будто находил как нельзя более естественным свое неслыханное счастье; он не проявлял ни малейшей неуверенности, которая показывала бы, что он впервые в таком блестящем обществе. Под руку с невестой он спокойно и гордо стоял рядом с представлявшим его тестем, одинаково любезно принимая каждое поздравление и отвечая на него, и в совершенстве справлялся с главной ролью, выпавшей ему в этот вечер. Он был вполне членом семьи, с полным самообладанием занимал соответственное положение, и по временам казалось, будто общество представляется ему, а не он обществу.

В числе гостей находился и барон Эрнстгаузен, надменный, чопорный аристократ. Он явился сегодня без супруги, но вел под руку дочь. Маленькая баронесса была восхитительна в розовом бальном платье, с венком подснежников на вьющихся черных волосах и буквально сияла радостью и торжеством, потому что настояла-таки на том, чтобы ехать на сегодняшнее торжество. Родители сначала не хотели брать ее, потому что Герсдорф также был в числе приглашенных, и они боялись возобновления попыток к сближению с его стороны. На всякий случай папаша приготовился к встрече с врагом: он шел рядом с дочерью с видом телохранителя и держал ее руку так крепко, словно намеревался не выпустить ее весь вечер.

Однако адвокат не обнаруживал желаний подвергать себя опасности получить отпор и удовольствовался вежливым поклоном издали, на который барон Эрнстгаузен ответил весьма чопорно; Валли же наклонила головку так серьезно и благонаравно, как будто совершенно примирилась с родительской охраной. Разумеется, в этой головке давно уже был готов план кампании, и она тотчас принялась за его выполнение.

Сначала она обняла и поздравила невесту, для чего ей пришлось выпустить руку отца, потом как нельзя любезнее приветствовала баронессу Ласберг, наконец, почувствовала прилив безграничной нежности к Эрне и благополучно отвлекла ее в сторону. – Отец посмотрел им вслед несколько подозрительно, но Герсдорф оставался на другом конце зала, а потому Эрнстгаузен успокоился и решил, что превосходно выполнит свою обязанность телохранителя, если не будет спускать глаз с врага. Он не подозревал, какая коварная интрига приводится в исполнение за его спиной.

Перешептывание в оконной нише заняло немного времени; затем Эрна вдруг исчезла из зала, а Валли с самым непринужденным видом вернулась к отцу и с увлечением стала беседовать со знакомыми. Однако она хорошо видела, как Эрна вернулась, подошла к Герсдорфу и сказала ему несколько слов; он казался слегка удивленным, но поклонился как бы в знак согласия, и маленькая баронесса с торжеством развернула свой веер; военные действия начались, и папаша на большую часть вечера получил мат.

Тем временем Нордгейм нетерпеливо оглядывался вокруг, ища глазами племянницу. Он разговаривал с гостем, который только что вошел в зал; этот гость не принадлежал к числу обычных посетителей дома, но, по-видимому, имел право на особое внимание, по крайней мере, Нордгейм встретил его так любезно, как встречал лишь очень немногих. Как только Эрна показала вблизи, он направился к ней со своим собеседником и представил ей его:

– Эрнст Вальтенберг, о котором я тебе говорил, – моя племянница Эрна фон Тургау.

– Я имел несчастье не застать дам во время моего визита вчера, и потому мадемуазель еще не знает меня, – сказал Вальтенберг, кланяясь.

– Нет, знает: я много рассказывал о вас за обедом, – быстро возразил Нордгейм. – Такой путешественник, как вы, изъездивший весь земной шар и явившийся прямо из Персии, представляет исключительный интерес для дам, а в моей племяннице вы найдете особенно внимательную слушательницу, если станете рассказывать о своих путешествиях: все причудливое и необычное в ее вкусе.

– В самом деле? – спросил Вальтенберг, глаза которого с нескрываемым восторгом устремились на красивую девушку.

Нордгейм заметил это и улыбнулся; не дав племяннице времени ответить, он продолжал:

– Уверю вас! Но, прежде всего мы должны постараться, чтобы вам было уютно в Европе. Я буду очень рад, если мой дом окажет этому хоть некоторое содействие, его двери всегда открыты для вас.

С предупредительной любезностью протянув гостю руку, он отошел. Без сомнения, он намеренно свел этих двух людей и оставил затем одних, но Эрна ничего не заметила. Она приняла нового знакомого равнодушно: заморские гости были не редкость в доме Нордгейма, который всюду имел связи; однако беглый взгляд на этого человека заставил ее заинтересоваться его оригинальной наружностью.

Вальтенбергу было лет сорок с лишним; его не особенно крупная, сухощавая фигура говорила о выносливости и привычке к трудам и опасностям путешествий; смуглый, почти коричневый цвет лица указывал на долготелее пребывание в тропических странах. Он не был красив, но тем большее впечатление производили глубокие морщины, проведенные на его лице не годами, а перенесенными испытаниями. Выющиеся черные волосы обрамляли широкий лоб, серые, стального цвета глаза под густыми бровями смотрели хмуро, но были способны загораться страстью. В общем в его внешности было что-то необычное, чужеземное, резко

выделявшее его среди блестящих, но в значительном большинстве неинтересных, бесцветных людей, заполнивших залы. И голос Вальтенберга отличался своеобразным тембром – его глубокий, низкий звук тоже был нездешним. Однако правила, принятые в обществе, были знакомы этому человеку в совершенстве: то, как он сел подле Эрны и начал разговор, обличало в нем светского человека.

– Вы приехали из Персии? – спросила Эрна, подхватив слова дяди.

– Да, по крайней мере, это последнее место, где я был. Я уже больше десяти лет не ступал на европейскую почву.

– Но ведь вы – немец? Вас так долго удерживала вдали служба?

– Нет, я следовал собственной склонности. Я не принадлежу к числу домоседов, которые прирастают к своему дому и родине, меня с самых ранних лет тянуло в широкий мир, и я всецело отдался этому влечению.

– И за десять лет вы ни разу не почувствовали тоски по родине?

– Признаться откровенно – нет. И теперь я вернулся лишь для того, чтобы привести в порядок кое-какие дела, и не думаю, что мое пребывание здесь будет продолжительным: ведь у меня нет семьи, которая привязала бы меня к стране, я одинок.

– Но сама родина должна была бы привязывать вас к себе, – заметила Эрна.

– Может быть, но я достаточно скромн, чтобы не воображать, что она во мне нуждается. У нее есть слуги лучше меня.

– А вы в родине нуждаетесь?

Такое замечание было довольно необычно в устах молодой дамы, и Вальтенберг посмотрел на нее с удивлением.

– Я вижу, вас это возмущает, – сказал он серьезнее. – Тем не менее, должен признаться, что это так. Поверьте, жизнь, которую я вел много лет вдали от всяких рамок и стеснений, посреди природы, блещущей расточительным великолепием, действует, как опьяняющий волшебный напиток; кто попробовал этот напиток, тот уже не может обходиться без него. Если бы мне пришлось надолго вернуться к показному, полному условностей существованию так называемого общества, под серое зимнее небо, мне кажется... Но это опять-таки еретические воззрения в глазах привыкшей к поклонению молодой дамы, стоящей в самом центре общества.

– И, может быть, все-таки понимающей вас, – сказала Эрна с горечью. – Я выросла в горах, среди величавого уединения, вдали от мира и сутолоки, и до сих пор тяжело переношу недостаток солнца и золотой свободы моего детства.

– Даже здесь? – спросил Вальтенберг, указывая на залитые морем света залы, полные блестящих гостей.

– Здесь больше, чем где-нибудь, – Эрна ответила едва слышно, и взгляд, который она бросила на оживленную толпу вокруг, был странно усталым и печальным. Но в следующее мгновение девушка, как будто раскаиваясь в том, что позволила себе сделать это невольное признание, шутливо сказала: – Впрочем, вы правы, это еретические воззрения, и мой дядя едва ли согласился бы с ними. Он, напротив, намерен опять втянуть вас в наше общество. Вы позволите мне познакомить вас вон с тем господином? Он, наверно, заинтересует вас как одна из наших первых знаменитостей.

Ее желание прекратить разговор было достаточно ясно. Вальтенберг молча поклонился, но его лицо выражало несомненное неудовольствие, когда его представляли знаменитости, а разговор с последней длился не более нескольких минут. Потом он отправился разыскивать Герсдорфа, товарища по университету.

– Ну, Эрнст, ты, кажется, начинаешь акклиматизироваться у нас? – сказал, идя ему навстречу, адвокат. – Ты довольно оживленно разговаривал с баронессой фон Тургау. Красивая девушка, не правда ли?

– Да, и с нею стоит поговорить, – ответил Вальтенберг, отводя товарища в сторону.

Тот засмеялся и сказал, понизив голос:

– Любезный комплимент остальным дамам! С ними, надо полагать, говорить не стоит?

– Нет! По крайней мере, я не в состоянии целый вечер слушать бессодержательные фразы и отвечать на них. Особенно около жениха с невестой в них так и рассыпаются. Целые потоки ничего не говорящих речей! Кажется, невеста – крайне незначительная особа и даже несколько ограничена.

– Но ее зовут Алисой Нордгейм, что, конечно, для жениха только и было важно. Здесь немало людей, которые с удовольствием заняли бы его место, но он настолько умен, что заручился благоволением отца и, таким образом, выиграл приз.

– Значит, брак по расчету? Простой карьерист?

– Если хочешь, да, но при этом – энергичный и талантливый человек. Он уже и теперь распоряжается всеми служащими своей дороги так же деспотически, как его будущий тесть советом правления, а когда ты увидишь колоссальное сооружение, его Волькенштейнский мост, то тоже признаешь, что он обладает незаурядным талантом.

– Все равно, я ненавижу карьеризм во всех его видах, – брезгливо сказал Вальтенберг. – В незначительном человеке он еще извинителен, но этот Эльмгорст кажется человеком с характером, а продает свою свободу за деньги. Отвратительно!

– Сразу видно, что ты явился из диких стран, – сухо возразил Герсдорф. – Подобные «отвратительные» вещи ты можешь ежедневно видеть в нашем хваленном обществе и даже среди людей, вполне почтенных в остальных отношениях. Для тебя деньги, разумеется, не играют роли: ты сам располагаешь сотнями тысяч. Неужели ты никогда не бросишь свою беспорядочную бродячую жизнь и не попробуешь отдохнуть у семейного очага?

– Нет, у меня не такая натура. Моя невеста – свобода и я останусь ей верен.

– Ну, знаешь, со временем приходишь к убеждению, что это несколько слишком холодная невеста, а если, на свое несчастье, еще влюбишься, то конец любви к свободе, и закоренелый старый холостяк без всяких угрызений совести превращается в добропорядочного супруга. В настоящее время я собираюсь проделать такое превращение.

– Весьма соболезную, – саркастически ответил Эрнст.

– Напрасно: я превосходно себя чувствую. Впрочем, я уже поведал тебе повесть моей любви и страданий. Как ты находишь будущую мадам Герсдорф?

– Прелестной, что до некоторой степени извиняет твое постыдное дезертирство. Премиленькое розовое смеющееся личико!

– Да, моя маленькая Валли – олицетворение солнечного света. Родительский барометр стоит пока на буре, но если папаша даже выведет против меня на бой всех своих предков со знаменитым дедушкой в придачу, я все же твердо решил победить, во что бы то ни стало.

– Господин Вальтенберг, позвольте просить вас вести к столу мою племянницу, – сказал в этот момент Нордгейм, проходя мимо и на минуту останавливаясь около разговаривающих.

– С удовольствием, – ответил Вальтенберг, и, действительно, удовольствие так ясно выразилось на его лице, что Герсдорф не мог удержаться от насмешливой улыбки. «Пожалуй, не я один окажусь дезертиром, – подумал он, когда товарищ без всяких церемоний бросил его и поспешно устремился к Эрне фон Тургау. – Женоненавистник начинает становиться галантным».

6

Двери столовой отворились, и общество начало разделяться на пары. Барон Эрнстгаузен предложил руку баронессе Ласберг и, к своему величайшему удовольствию, узнал от нее, что его дочь поведет лейтенант фон Альвен, а Герсдорф займет место на противоположном конце стола. Первая пара двинулась вперед, а за ней потянулись остальные. Но странно, лейтенант Альвен раскланивался перед какой-то другой дамой, а Герсдорф подошел к баронессе Эрнстгаузен.

– Что это значит, Валли? – тихо спросил он. – Баронесса фон Тургау сказала мне, что я должен вести тебя. Неужели баронесса Ласберг...

– О, она давно в заговоре с моими родителями, – прошептала Валли, принимая его руку. – Вообрази, они хотели рассадить нас по разным концам стола! У мамы мигрень, но папа получил строжайший наказ не спускать с меня глаз, а баронесса фигурирует как страж номер второй. Только пусть попробуют справиться со мной! Я им всем натянула нос!

– Каким образом? – с беспокойством спросил Герсдорф.

– Подменила карточки на столе! – с торжеством объявила Валли. – То есть, вернее, это сделала Эрна. Сначала она не хотела, но я спросила ее, неужели у нее хватит духа свергнуть нас в бездну отчаяния, и она уступила.

Увы, Герсдорф не пришел в восторг от произведенного государственного переворота, он покачал головой и укоризненно проговорил:

– Ах, Валли, Валли! Ведь это не может остаться не открытым, и когда твой отец увидит нас...

– То взбесится, – договорила Валли с полнейшим спокойствием. – Но знаешь, Альберт, он постоянно бесится, и немножко больше или немножко меньше – это уже все равно. Не смотри так серьезно! Право, ты, кажется, собираешься ворчать на меня из-за моей блестящей идеи!

– Следовало бы это сделать, но кто может сердиться на тебя, шалунья! Среди общего говора их шепот остался незамеченным; они примкнули к остальным парам и вошли в столовую, где Эрнстгаузен уже сидел подле своей дамы. Он очень любил поесть, и ожидание хорошего обеда настроило его в высшей степени человеколюбиво. Но вдруг его физиономия окаменела, точно он увидел голову медузы, а между тем это было не более как сияющее удовольствием личико его дочери, только что вошедшей под руку с Герсдорфом.

– Баронесса! Бога ради!.. – растерянно прошептал Эрнстгаузен. – Ведь вы говорили, что лейтенант фон Альвен...

– Ведет Валли к столу? Разумеется! А господин Герсдорф по вашему желанию...

Однако баронесса не окончила своей фразы и, в свою очередь, окаменела, потому что тоже увидела пару, только что севшую на другом конце стола.

– С нею! – скрипнув зубами, договорил Эрнстгаузен и через тридцать приборов метнул на адвоката уничтожающий взгляд.

– Не понимаю, как это могло случиться? Я сама распределяла места!

– Может быть, это ошибка прислуги?

– Нет, это интрига вашей дочери. Но умоляю вас, теперь не показывайте и вида! Не делайте сцены! После обеда...

– Я сейчас же уеду с Валли домой, – закончил Эрнстгаузен, комкая салфетку с яростью, не предвещавшей ничего хорошего его дочери.

Обед начался блестяще. Столы ломились под тяжестью серебра и сверкающего хрусталя, а в промежутках на скатерти благоухали редкие цветы, подавались бесчисленные блюда и бла-

городнейшие сорта вин, произносились обычные тосты за обрученных и обычные торжественные речи, а над всем царила обычная скука, неразлучная с выставкой княжеского богатства.

Это, однако, не мешало чувствовать себя превосходно некоторым более молодым гостям, прежде всего – баронессе Валли, которая без умолку болтала и смеялась, как и ее соседу, который не был бы влюбленным, если бы со своей стороны не забыл обо всем остальном и не пил полными глотками неожиданное счастье свидания.

Не менее оживленная беседа велась на другом конце стола. Эрна, как ближайшая родственница хозяев, сидела напротив жениха с невестой, и той же чести удостоился Вальтенберг. До сих пор он был холоден и молчалив в обществе, но теперь показал себя блестящим рассказчиком. Он говорил о далеких странах и их жителях, и они вставали перед глазами слушательницы как живые; он описывал волшебное южное море, великолепный тропический ландшафт, и необозримый мир раскрывался перед ней в этих проникнутых поэзией описаниях. Эрна слушала с блестящими глазами и казалась совершенно увлеченной. По временам взгляд жениха с пытливым выражением останавливался на них; его беседа с Алисой была далеко не оживленной, а между тем ведь и он был мастер вести разговор.

Но вот обед кончился, гости вернулись в залы. Настроение сделалось непринужденнее и веселее; общество разбилось на группы, всюду слышались смех, говор, толпа двигалась по залам, постоянно перемешиваясь, так что трудно было отыскать в ней кого-нибудь. Барону Эрнстаугену, к его досаде, пришлось убедиться в этом на опыте: дочь его была неуловима.

Вальтенберг отвел свою даму в зимний сад и, продолжая начатый за обедом разговор, сидел рядом с нею. Вдруг туда вошли жених и невеста. Вольфганг остановился при виде их, потом холодно поклонился Вальтенбергу, тотчас вставшему, чтобы уступить место невесте, и сказал:

– Алиса жалуется на усталость и хочет немножко отдохнуть в тишине зимнего сада...

Мы не помешаем?

– Кому? – спокойно спросила Эрна.

– Вам и господину Вальтенбергу: вы так заняты разговором, и нам было бы очень жаль...

Вместо ответа Эрна взяла Алису за руку и притянула ее на диван рядом с собой.

– Ты права, Алиса, тебе надо отдохнуть, и более крепкому человеку было бы нелегко служить центром такого праздника.

– Мне хотелось уйти лишь на несколько минут, – сказала Алиса, – но, боюсь, мы действительно помешали: наш приход заставил господина Вальтенберга прервать, наверное, очень интересный рассказ.

– Я рассказывал о своем последнем путешествии в Индию, – вступил в разговор Вальтенберг, – причем воспользовался случаем, чтобы высказать баронессе Тургау просьбу, с которой мне хотелось бы обратиться и к вам. За десять лет, проведенных мною вдали от Европы, я собрал довольно много чужеземных редкостей; я отсылал их домой, и теперь из них образовался настоящий музей, который я поручил привести в порядок сведущему человеку. Могу ли я надеяться на ваше посещение? Само собой разумеется, и на ваше также, господин Эльмгорст! Я могу показать немало интересного.

– Боюсь, что время не позволит мне воспользоваться вашим любезным приглашением, – ответил Эльмгорст вежливым тоном, от которого веяло ледяным холодом. – В моем распоряжении всего несколько дней до отъезда.

– Вы уезжаете? Так скоро после помолвки?

– Я должен ехать, потому что при теперешнем положении работ не могу взять отпуск на более продолжительное время.

– И вы согласны на это? – обратился Вальтенберг к Алисе. – Полагаю, что в таких случаях право решать принадлежит невесте.

– Право решать принадлежит долгу, по крайней мере, в моих глазах, – возразил Вольфганг.

– Вы так серьезно относитесь к нему даже и теперь?

Глаза Вольфганга блеснули: он понял «даже и теперь», а также взгляд, который встретился с его взглядом. Несколько часов назад он видел тот же взгляд на другом лице. Гордый человек стиснул зубы: второй раз напоминали ему сегодня, что в глазах общества он – только «будущий супруг Алисы Нордгейм, который может откупиться деньгами своей невесты от взятых на себя обязательств.

– Для меня всякий долг – дело чести, – холодно возразил он.

– Да, мы, немцы, фанатики долга, – небрежно сказал Вальтенберг. – Я до известной степени эмансипировался на чужбине от этой национальной особенности. О фрейлейн, опять этот укоризненный взгляд! Своей откровенностью я, пожалуй, окончательно уроню себя в ваших глазах. Но вспомните, что я явился из совершенно иного мира и буквально одичал по европейским понятиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.